Дозв. ценз. Спб. 27 мая 1891 г. Тип. Тов. „Общ. Польза“, Б. Подъяч., 39

Прудонъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

П. Ж. ПРУДОНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Туганъ-Барановскаго.

Съ портретомъ Прудона, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1891.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена, профессора Лозан. университета. Съ франц. Ц. 1 р.

МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.

ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к.

СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона. Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В. Чиколева. Ц. 30 к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Ц. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ А. Гано и Ж. Маневрье. Перев. Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. А. Брема. (Дополненіе къ „Жизни животныхъ"). Со многими рисунками. Цѣна 2 р.

ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Д-ра Мейра и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ Ніоде. Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ. Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.

ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина. Ц. 75 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго. Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Тисандье. Съ рис. Переводъ съ французск. Ц. 50 к.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр., Ц. 2 р. 50 к.

ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста. Съ нѣм. 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к.

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ Д. Селоменса. Перев. съ англійс. Д. Головъ. Со мног. рисун. Ц. 1 р.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ А. Альмедингена. Ц. 50 к.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев. съ французск. М. Энгельгарта. Со многими рисун. Ц. 1 р.

ДАРВИНИЗМЪ. Популярное изложеніе ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растеній, животныхъ и человѣка. Ц. 60 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Августа 1891 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

При составленіи этой біографіи мы пользовались слѣдующими источниками:

Karl Diehl. Proudhon, seine Lehre und sein Leben. 1889.
Putlitz. Proudhon, sein Leben und seine positiven Ideen. 1881.
Sainte-Beuve. Proudhon, sa vie et sa correspondance. 1872.
Ю. Жуковскій. Прудонъ и Луи Бланъ.
Н. Михайловскій. Прудонъ и Бѣлинскій.

Но главнымъ матеріаломъ при составленіи біографіи служила намъ переписка Прудона, изданная его женою въ 14 томахъ, и его собственныя сочиненія, въ которыхъ содержатся многочисленныя автобіографическія отступленія. По замѣчанію Сентъ-Бёва, его переписка останется, быть можетъ, самымъ капитальнымъ произведеніемъ его жизни. Хотя съ этимъ мнѣніемъ и трудно согласиться, но, тѣмъ не менѣе, письма Прудона даютъ самую лучшую характеристику, какъ его личности, такъ и его воззрѣній, и составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для историка той бурной и интересной эпохи, во время которой жилъ и дѣйствовалъ Прудонъ.

I.

Дѣтство Прудона.—Занятія въ коллежѣ. — Работа въ типографіи.— Дружба съ Фалло.— Первый литературный трудъ и полученіе стипендіи Сюара.

Пьеръ Жозефъ Прудонъ родился 15 января 1809 г. въ предмѣстьи города Безансона, родины В. Гюго. Его отецъ былъ крестьяниномъ и служилъ рабочимъ на пивоваренномъ заводѣ. Когда въ 1814 г. во время осады Безансона пивоваренный заводъ былъ разрушенъ, Прудонъ-отецъ перемѣнилъ свое занятіе, купилъ домъ и устроилъ на собственный счетъ бочарное заведеніе. Но ему вообще не везло въ хозяйственныхъ предпріятіяхъ; бочарное заведеніе шло плохо и семья жила впроголодь, на краю нищеты. Небольшой участокъ земли, которымъ онъ владѣлъ, былъ проданъ въ уплату долга и жить стало еще труднѣе. Будущему противнику собственности и процента пришлось рано познакомиться съ непріятными послѣдствіями кредита въ современной его формѣ. По этому поводу онъ дѣлаетъ замѣчаніе въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что если бы во Франціи существовала правильная организація земельнаго кредита, изъ него могъ бы выйти мирный деревенскій собственникъ. Съ послѣднимъ, разумѣется, согласиться довольно трудно, такъ какъ П. Жозефъ обладалъ слишкомъ сильной и независимой натурой, чтобы удовлетвориться обыденнымъ существованіемъ.

Его отецъ, по отзывамъ лицъ его знавшихъ, былъ человѣкъ мало образованный, невыдающійся ничѣмъ особеннымъ, но честный и прямой. Онъ происходилъ изъ младшей линіи рода Прудоновъ. Члены старшей линіи стояли выше по своему общественному положенію и принадлежали къ среднему кругу. Одинъ изъ нихъ былъ извѣстнымъ профессоромъ и юрисконсультомъ въ Дижонѣ. Члены младшей линіи представляли изъ себя лѣвую, были бѣдны и жили

ручнымъ трудомъ; старшіе Прудоны являлись консервативнымъ элементомъ и, обладая достаточными имущественными средствами, пользовались всѣми благами жизни. Между обѣими линіями существовалъ нѣкоторый традиціонный антагонизмъ. Несмотря на неравенство общественнаго положенія, родственники встрѣчались довольно часто и тутъ между ними происходили разныя стычки, вызывавшіяся различіемъ ихъ взглядовъ и убѣжденій. Будущему писателю пришлось не разъ присутствовать при такихъ стычкахъ и онъ разсказывалъ впослѣдствіи, какъ страдало при этомъ его дѣтское самолюбіе и какъ тяжело ему было переносить пренебрежительное отношеніе богатыхъ родственниковъ.

Мать П. Жозефа, Катерина Прудонъ, была женщина съ настойчивымъ и упорнымъ характеромъ; она заправляла всѣмъ въ домѣ и пользовалась большимъ уваженіемъ всей семьи. П. Жозефъ унаслѣдовалъ ея характеръ и былъ къ ней очень привязанъ. Въ зрѣломъ возрастѣ, несмотря на всю разницу въ ихъ развитіи, онъ оставался такимъ же любящимъ и нѣжнымъ сыномъ, какимъ былъ въ дѣтствѣ. Свою старшую дочь онъ назвалъ въ память матери Катериной. Вообще, Прудонъ гордился своими родителямя, любилъ разсказывать разные эпизоды изъ ихъ жизни и, когда въ 1848 г. ему случилось оппонировать въ палатѣ одному легитимисту, хваставшемуся знатностью своего рода — онъ воскликнулъ: «у меня 14 предковъ мужиковъ—назовите мнѣ хоть одно семейство, имѣющее столько благородныхъ предковъ!»

До 12 лѣтъ П. Жозефъ велъ обычную жизнь деревенскаго мальчика, пасъ коровъ и проводилъ цѣлые дни въ полѣ. Свою пастушескую жизнь онъ описываетъ слѣдующими поэтическими красками:

«Сколько удовольствія доставляло мнѣ валяться въ густой травѣ, которую я хотѣлъ бы ѣсть, какъ мои коровы; бѣгать босикомъ по тропинкамъ, лазить по деревьямъ, ловить лягушекъ и раковъ! Сколько разъ мнѣ случалось теплымъ іюньскимъ утромъ скидывать одежду и купаться въ росѣ! Я едва различалъ себя отъ окружающей природы. *Я*—это было все, что я могъ взять рукой, все, что могло мнѣ на что нибудь пригодиться; *не я*—все то, что мнѣ было непріятно. Я наполнялъ свои карманы ежевикой, зеленымъ горошкомъ, зернами мака, терномъ, шиповникомъ; я наѣдался разной дрянью, отъ которой заболѣлъ бы всякій благовоспитанный ребенокъ и которая только увеличивала къ вечеру мой аппетитъ. Сколько разъ мнѣ приходилось мокнуть подъ проливнымъ дождемъ! сушить свою

одежду на солнцѣ или на вѣтрѣ! Я любилъ своихъ коровъ, но не всѣхъ одинаково; я предпочиталъ ту или другую курицу, то или другое дерево, тотъ или другой утесъ. Мнѣ сказали, что ящерица врагъ человѣка; я этому искренно вѣрилъ. Я воевалъ со змѣями, жабами и гусеницами. Что они мнѣ сдѣлали? ничего. Но я ихъ ненавидѣлъ».

Такая привольная деревенская жизнь не прошла для Прудона безслѣдно. По роду своихъ занятій онъ долженъ былъ жить въ городѣ; но дѣтскія воспоминанія неотразимо привлекали его въ деревню, на берега Оньона, туда, гдѣ родилась его мать и гдѣ она умерла. Ему пришлось такъ много вынести въ своей жизни, возбудить противъ себя столько ненависти и злобы, что онъ не могъ не чувствовать временами усталости и упадка силъ; въ такія минуты онъ говорилъ, что можетъ быть счастливъ только въ своей родной деревушкѣ и что тамъ онъ долженъ кончить свою жизнь.

Но Прудону не долго пришлось жить въ деревнѣ. Нужно было зарабатывать хлѣбъ и онъ поступаетъ въ услуженіе въ гостиницу. Переходъ отъ полной свободы къ скучной и неинтересной работѣ въ городѣ былъ для него очень тяжелъ. Онъ и раньше отличался нелюдимостью, теперь же сдѣлался еще болѣе замкнутымъ и сосредоточеннымъ въ себѣ.

При помощи и протекціи Рено, бывшаго владѣльца того самого пивовареннаго завода, гдѣ служилъ отецъ Прудона, родителямъ удалось помѣстить его въ коллежъ. П. Жозефу приходилось учиться при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Книгъ у него не было, такъ какъ не на что было ихъ купить; его наказывали, по его собственнымъ словамъ, болѣе ста разъ за неимѣніе учебниковъ. Переводилъ онъ безъ лексикона и значеніе незнакомыхъ словъ узнавалъ, приходя въ коллежъ передъ началомъ уроковъ. Въ свободное отъ ученія время онъ исполнялъ разныя хозяйственныя порученія отца. Несмотря на все это, мальчикъ учился прекрасно и шелъ однимъ изъ первыхъ. Съ товарищами онъ не сходился и держался особнякомъ.

Уже въ это время Прудонъ начиналъ размышлять о несправедливости судьбы, которая заставляетъ его покупать цѣной громадныхъ усилій то, что другимъ дается даромъ. Онъ сознавалъ себя умнѣе, способнѣе и энергичнѣе своихъ сверстниковъ, между которыми было много богатыхъ людей. Бѣдность, говорилъ юноша, не есть порокъ, но она хуже порока. Онъ рѣшилъ разбогатѣть, выбиться изъ той колеи, въ которую поставила его судьба. Но какъ разбогатѣть? Отецъ его

трудился и трудится всю жизнь. Однако-же онъ не богатъ. Слѣдовательно одна работа не даетъ богатства; нужно знаніе, въ знаніи заключена великая сила и только съ ея помощью можно сдѣлаться богатымъ и могущественнымъ, можно добиться успѣха въ жизни. И Прудонъ съ страстнымъ увлеченіемъ читалъ и перечитывалъ все, что попадалось ему подъ руки.

Не нужно забывать, что онъ развивался совершенно самостоятельно, безъ всякой помощи и руководительства съ чьей бы то ни было стороны. Прудонъ былъ въ полномъ смыслѣ слова самоучкой. Съ 12-ти лѣтъ онъ усердно посѣщалъ городскую библіотеку и спрашивалъ всегда такъ много книгъ и книгъ такого разнообразнаго содержанія, что подъ конецъ рѣшительно заинтересовалъ собою ученаго библіотекаря и академика Вейса. Послѣдній разъ спросилъ угрюмаго и застѣнчиваго мальчика, избѣгавшаго всякихъ разговоровъ съ чужими людьми, зачѣмъ нужно ему столько книгъ. Прудонъ поднялъ голову, посмотрѣлъ нахмурившись на Вейса и коротко ему отвѣтилъ: «какое вамъ до этого дѣло?»

Первыя книги, которыя онъ могъ назвать своими собственными, были сочиненія по большей части религіозно-нравственнаго содержанія, полученныя имъ въ награду за успѣхи въ коллежѣ. Случилось такъ, что въ тотъ самый день, когда въ коллежѣ происходила торжественная раздача наградъ, семья Прудона со страхомъ ожидала рѣшенія одного процесса, неудача котораго могла окончательно ее разорить. П. Жозефъ вернулся домой, увѣнчанный лаврами и засталъ мать въ слезахъ: процессъ былъ проигранъ. Легко представить себѣ впечатлѣніе, которое должны были производить такія событія на душу самолюбиваго, воспріимчиваго мальчика.

Дѣтская любознательность ребенка, предоставленнаго самому себѣ, прежде всего обратилась къ вопросамъ религіознаго характера. Ему случилось получить въ награду книгу Фенелона «О доказательствѣ бытія Божія». Онъ искренне и наивно вѣрилъ въ Бога, но доказательства Декарта, приводимыя Фенелономъ, его не удовлетворяли. Его мучили религіозныя сомнѣнія, и онъ пытался самъ разрѣшить ихъ, но скоро убѣдился, что задача ему не по силамъ; тогда онъ съ жадностью набросился на теологическую литературу и сталъ читать одно за другимъ богословскія сочиненія. Тринадцатилѣтнему мальчику трудно было разобраться въ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться, и всякая новая книга возбуждала въ немъ все новыя и новыя сомнѣнія. Онъ исповѣды-

валъ послѣдовательно всѣ ереси, осужденныя церковью въ первые вѣка христіанства, и въ концѣ концовъ остановился на религіи, знакомой ему съ дѣтства и сдѣлался на нѣкоторое время вѣрующимъ католикомъ.

Когда Прудону исполнилось 19 лѣтъ, онъ оставилъ коллежъ, не кончивши курса по недостатку матеріальныхъ средствъ, и поступилъ рабочимъ въ типографію Готье въ Безансонѣ. Съ этого времени начинается его самостоятельное трудовое существованіе. Въ его жизни было много перемѣнъ, ему случалось пользоваться большимъ политическимъ вліяніемъ и были моменты, когда онъ могъ мечтать сдѣлаться президентомъ французской республики, но онъ всегда оставался бѣднымъ и трудящимся человѣкомъ. Его мечты разбогатѣть не осуществились. Литература дала ему славу, но не могла доставить вѣрнаго и обезпеченного заработка и ему пришлось впослѣдствіи не разъ сожалѣть о брошенномъ типографскомъ станкѣ. Съ особенной любовью онъ сохранялъ до конца жизни свою рабочую книжку, куда вносились отзывы его хозяевъ. Отзывы были самые хорошіе.

Такъ какъ типографія Готье издавала по большей части книги теологическаго характера, то молодому рабочему представился удобный случай увеличить свои, и безъ того довольно обширныя, теологическія познанія. Заинтересовавшись текстомъ латинскаго перевода Библіи, онъ принялся за изученіе греческаго и еврейскаго языковъ и въ скоромъ времени могъ на обоихъ языкахъ читать довольно свободно.

Около этого времени онъ познакомился съ однимъ довольно замѣчательнымъ человѣкомъ, Густавомъ Фалло, которому преждевременная смерть помѣшала достигнуть извѣстности. Судьба Фалло во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ судьбу самого Прудона. Оба были бѣдны, должны были биться изъ за куска хлѣба, оба соединяли горячую любовь къ знанію съ умѣніемъ и привычкою трудиться. Фалло былъ первымъ, получившимъ изъ Безансонской академіи стипендію имени Сюара. Эта стипендія должна была выдаваться молодымъ людямъ, проявившимъ выдающіяся научныя или литературныя дарованія, но не обладающимъ достаточными средствами къ жизни. Фалло редактировалъ нѣкоторыя изданія Готье на латинскомъ языкѣ. Онъ заинтересовался молодымъ наборщикомъ, которому случалось поправлять ошибки въ латинскомъ текстѣ, ускользавшія отъ его собственнаго вниманія. Мало по малу они сблизились и подру-

жились. Это былъ первый другъ Прудона и онъ до конца своей жизни не могъ его забыть. Они рѣшили жить вмѣстѣ, дѣлить пополамъ академическую стипендію и общими силами выбиться на дорогу. Сохранилось одно довольно интересное письмо, гдѣ Фалло предсказываетъ блестящую будущность молодому неизвѣстному наборщику. Онъ пишетъ: «Вы будете, Прудонъ, вопреки вашей волѣ, неизбѣжно, писателемъ и профессоромъ; вы будете однимъ изъ свѣтилъ нашего вѣка и ваше имя будетъ такой же славой XIX столѣтія, какъ имена Гассенди, Декарта, Мальбранша и Бэкона — слава XVII, а имена Дидро, Монтескье, Гельвеція, Локка, Юма и Гольбаха — слава XVIII столѣтія. Дѣлайте, что хотите; работайте въ типографіи, давайте уроки, удалитесь въ самую глухую и заброшенную деревню, все равно: вы не избѣжите своей участи».

Но Фалло не пришлось дожить до того времени, когда другъ его дѣйствительно сдѣлался писателемъ и началъ пріобрѣтать извѣстность. Онъ умеръ 29 лѣтъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ полученія стипендіи Сюара.

Въ качествѣ наборщика, Прудонъ въ 1831 г. отправился странствовать по Франціи, работая въ разныхъ провинціальныхъ городахъ. Онъ побывалъ на югѣ Франціи, въ Марселѣ и Тулонѣ. Въ Тулонѣ у него произошло столкновеніе съ мѣстнымъ мэромъ, которое довольно хорошо обрисовываетъ молодого Прудона. Онъ не могъ найти себѣ работы; въ карманѣ у него было только около рубля. Но молодой наборщикъ не терялъ присутствія духа и порѣшилъ обратиться къ мэру съ требованіемъ работы.

Мэру онъ предъявилъ свою рабочую книжку, гдѣ содержались полицейское удостовѣреніе о его личности и аттестаты хозяевъ. Такъ какъ кража и нищенство запрещены закономъ, заявилъ Прудонъ мэру, то онъ требуетъ отъ правительства работы. Разумѣется, никакой работы онъ не получилъ; мэръ пригрозилъ выслать его изъ города, и онъ принужденъ былъ удалиться съ пустыми руками, не имѣя возможности постоять за то, что онъ считалъ своимъ правомъ, но давши себѣ слово никогда не забывать этого случая.

Вернувшись въ Безансонъ, Прудонъ вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ устроилъ свою собственную небольшую типографію. Онъ продолжалъ много читать, по прежнему безъ особеннаго выбора и безъ всякой системы. Кромѣ теологіи и философіи онъ заинтересовался въ это время языкознаніемъ. Кругъ знакомыхъ Прудона значительно расширился, и онъ пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ друзей, изъ которыхъ

наиболѣе замѣчательны Бергманъ и Акерманъ. Первый былъ ученымъ филологомъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи профессоромъ въ Страсбургѣ. Прудонъ постоянно относился къ нему съ большимъ уваженіемъ и дружбой. Переписка между ними продолжалась всю жизнь. Акерманъ тоже былъ филологомъ, хотя и не такимъ ученымъ. Онъ пописывалъ стихи, неимѣвшія въ публикѣ особеннаго успѣха и мечталъ реформировать французскую поэзію и прозу. Эти два человѣка, и въ особенности Бергманъ, имѣли большое значеніе въ умственномъ развитіи Прудона. Въ жизни послѣдняго дружба вообще играла очень большую роль. Можно сказать, что для него дружба была тѣмъ, чѣмъ является любовь для большинства людей. Любви къ женщинѣ Прудонъ почти не зналъ. Во всей его громадной перепискѣ можно найти только одно письмо, гдѣ онъ говоритъ о своей любовной исторіи. Его первая любовь была и послѣдней. Онъ любилъ простую дѣвушку, работницу въ Безансонѣ. Обстоятельства ихъ разлучили; какъ кажется, онъ не особенно горевалъ объ этомъ. Въ письмѣ къ ней онъ говоритъ, что участь хорошихъ и честныхъ людей—страданіе, что онъ будетъ бороться противъ зла и несправедливости въ человѣческомъ обществѣ, а она должна молиться о его успѣхѣ, о томъ, чтобы у него хватило силы и мужества для борьбы. Все письмо дышетъ рѣшимостью и энергіей, но въ немъ не видно любви, не видно искренняго и глубокаго чувства.

Но если Прудонъ мало любилъ женщинъ, онъ могъ быть вѣрнымъ и преданнымъ другомъ и товарищемъ. Друзья составляли для него семью, съ ними онъ дѣлился всѣми своими радостями и горестями, сообщалъ имъ всѣ свои завѣтныя мысли, жилъ съ ними общей жизнью. Для того, чтобы повидаться съ Бергманомъ, который былъ въ отсутствіи около года, онъ не побоялся пройти пѣшкомъ все разстояніе отъ Парижа до Безансона, искалѣчить себѣ ноги и утомить себя до послѣдней степени и все это ради того, чтобы его другъ не уѣхалъ, не простившись съ нимъ. Послѣ того, какъ Бергманъ женился и сталъ рѣже переписываться съ Прудономъ, послѣдній пишетъ ему письмо, полное тревоги за охлажденіе ихъ дружбы; письмо начиналось словами: «у меня двѣнадцать друзей, которыхъ я не забываю ни при какихъ обстоятельствахъ, которые составляютъ существенный элементъ въ моей жизни и съ которыми я совѣщаюсь относительно всего, что предпринимаю. Ты изъ нихъ первый, но теперь ты сталъ мужемъ и отцомъ семейства. Не измѣнился-ли ты ко мнѣ? Отвѣчай мнѣ, докажи мнѣ, что я не правъ. Мнѣ это необходимо».

Въ письмѣ къ одному изъ этихъ двѣнадцати, доктору Маге, Прудонъ помѣстилъ слѣдующій краснорѣчивый диоирамбъ дружбѣ: «Что такое жизнь безъ дружбы? Наука искушаетъ умъ и губитъ чувство; власть опьяняетъ человѣка и тѣшитъ его тщеславіе; религія безъ добрыхъ дѣлъ—одно лицемѣріе. Богатый мнѣ ненавистенъ своимъ эгоизмомъ; я презираю безпечность и вѣтренность влюбленнаго; сластолюбивый эпикуреецъ внушаетъ мнѣ отвращеніе. Но какъ только божественная дружба осѣняетъ мою душу, все пріобрѣтаетъ новый блескъ и сіяніе. Дружба облагораживаетъ наслажденіе, любовь, власть, богатство, науку и религію; все становится возвышеннѣй и чище благодаря дружбѣ. Я смѣю гордиться: я всегда имѣлъ друзей. Никогда, ни въ какую минуту жизни, я не чувствовалъ пустоты въ своемъ сердцѣ, не испытывалъ недостатка въ дружбѣ».

И дѣйствительно, друзья Прудона умѣли его цѣнить и относились къ нему также тепло и искренно, какъ онъ относился къ нимъ. Со многими онъ остался друженъ до конца жизни, несмотря на различіе ихъ общественнаго положенія и политическихъ убѣжденій. Какъ человѣку бѣдному, часто даже крайне нуждающемуся, ему много разъ приходилось пользоваться матеріальной поддержкой друзей—и это не портило ихъ отношеній, не вносило диссонанса въ ихъ взаимное довѣріе и уваженіе. Хотя общественное положеніе Прудона въ началѣ 30-хъ годовъ было далеко не блестящее и онъ не имѣлъ никакого образовательнаго ценза, онъ пользовался такимъ уваженіемъ со стороны людей его знавшихъ, что ему предложили быть редакторомъ мѣстной газеты. Но Прудонъ не рѣшился взяться за это дѣло; онъ не чувствовалъ себя способнымъ быть публицистомъ и говорить съ одинаковой легкостью обо всемъ въ мірѣ. Кромѣ того, онъ желалъ придать газетѣ республиканскій характеръ, что совсѣмъ не соотвѣтствовало видамъ издателя.

Въ 1837 г. Прудонъ написалъ свое первое сочиненіе: «Опытъ всеобщей грамматики». Это была небольшая брошюра, составляющая нѣчто вродѣ приложенія къ ученому сочиненію аббата Берже— «Основные элементы языковъ». Молодой авторъ не проходилъ правильнаго и систематическаго курса языкознанія и потому въ своемъ «Опытѣ» дѣлаетъ нѣсколько довольно странныхъ заключеній, отъ которыхъ впослѣдствіи онъ самъ отказался. Между прочимъ, онъ говоритъ, что на основаніи изученія языковъ можно утверждать единство человѣческаго рода и происхожденіе всѣхъ племенъ отъ еврейскаго народа. Ему кажется, что при помощи языкознанія можно

доказать не только существованіе Бога, но и всѣ основные догматы католической религіи. Прудонъ былъ совсѣмъ незнакомъ съ санскритомъ и уже по одному этому его попытки объяснить происхожденіе языковъ не могли быть удачными, что не помѣшало ему однако обнаружить въ написанномъ впервые сочиненіи всѣ особенности своего дарованія—мѣстами блестящій стиль, не вполнѣ ясное и систематическое изложеніе, остроумныя, но рискованныя заключенія, отрывочную и неполную эрудицію. Прудонъ представилъ свою брошюру въ Безансонскую академію наукъ для соисканія преміи Вольнея. Академія не присудила ему преміи, но обратила вниманіе на его трудъ, какъ на оригинальный и доказывающій большую силу мышленія въ авторѣ. При этомъ академія выразила сожалѣніе, что авторъ слишкомъ часто уклоняется отъ опытнаго и сравнительнаго научнаго метода. Недостатокъ научнаго метода навсегда остался слабой стороной сочиненій Прудона.

Въ 1838 г. его компаньонъ по типографіи застрѣлился, а такъ какъ типографія существовала главнымъ образомъ на капиталы послѣдняго, то Прудонъ вынужденъ былъ ликвидировать свои дѣла и искать другого заработка. Ликвидація была очень убыточна и тянулась втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ это критическое для себя время Прудонъ послалъ въ Безансонскую академію петицію о присужденіи ему стипендіи имени Сюара. Онъ описывалъ въ ней свою жизнь, полную труда и лишеній, свою дружбу съ Фалло, свои религіозныя сомнѣнія, закончившіеся убѣжденіемъ въ истинности догматовъ католицизма, и въ концѣ выражалъ твердую рѣшимость работать въ области науки и философіи на пользу рабочаго класса, изъ котораго онъ самъ вышелъ.

Безансонская академія была поставлена въ очень затруднительное положеніе этой петиціей. Нельзя было не признать въ молодомъ типографщикѣ выдающихъ дарованій и способностей; его петиція была мастерскимъ произведеніемъ, написаннымъ сильнымъ и энергичнымъ слогомъ, полнымъ воодушевленія и вѣры въ будущее. Но съ другой стороны, академію смущали нѣкоторыя, черезчуръ рѣзкія выраженія Прудона. Ученые мужи не могли не опасаться своего будущаго питомца, который такъ смѣло и открыто называетъ себя представителемъ рабочаго класса и говоритъ отъ его имени. Академія раздѣлилась на двѣ партіи, но въ концѣ концовъ, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, сторонники Прудона побѣдили, и онъ могъ на нѣкоторое время считать себя обезпеченнымъ

въ имущественномъ отношеніи. Обезпеченіе впрочемъ было небольшое: стипендія состояла изъ 400 рублей, выдаваемыхъ ежегодно втеченіи 3-хъ лѣтъ.

Прудону эти 400 рублей казались цѣлымъ богатствомъ. Помимо того, что стипендія давала ему возможность поѣхать въ Парижъ и заниматься тамъ на свободѣ, для него важна была нравственная сторона дѣла. Ему казалось, что онъ одержалъ первую побѣду, за которой скоро должны послѣдовать другія. Онъ пишетъ восторженное письмо Акерману: «меня всѣ поздравляютъ съ тѣмъ, что я теперь могу сдѣлать карьеру и достигнуть почета и блестящаго положенія въ свѣтѣ, сравняться, а можетъ быть и превзойти Жоффруа, Пулье, и др. Никто не говоритъ мнѣ: Прудонъ, ты долженъ быть преданъ дѣлу бѣдныхъ, освобожденію угнетенныхъ, просвѣщенію народа. Твои братья смотрятъ на тебя. Имъ нечѣмъ тебя вознаградить, но ихъ благодарность дороже золотыхъ монетъ. Страдай и умри, если понадобится, но говори людямъ истину и стой за сироту».

Почувствовавши подъ собой твердую почву, Прудонъ съ жаромъ и увлеченіемъ принялся за научныя и философскія занятія.

Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ полученія стипендіи Сюара у него была готова новая работа—«О праздновавіи Воскресенья». Это его первый трудъ, посвященный тѣмъ-же вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ составило впослѣдствіи задачу его жизни. Вообще, въ этой небольшой, но любопытной и хорошо написанной брошюрѣ можно встрѣтить всѣ позднѣйшія теоріи Прудона.

II.

Жизнь Прудона въ Парижѣ. — Появленіе перваго мемуара о собственности. — Столкновеніе съ Безансонской академіей наукъ. — Судъ надъ Прудономъ.—Служба у Готье.—Новыя знакомства.

Около этого времени Прудонъ переѣхалъ въ Парижъ. Столица, шумная уличная жизнь, легкомысліе парижскаго рабочаго и его безшабашное веселье—все это произвело тяжелое впечатлѣніе на душу суроваго застѣнчиваго провинціала. Онъ чувствовалъ себя не по себѣ въ Парижѣ, его тянуло въ Безансонъ, къ друзьямъ и знакомымъ.

Подъемъ духа, вызванный въ немъ полученіемъ стипендіи Сюара, смѣнился неувѣренностью въ будущемъ, недовольствомъ условіями жизни и уныніемъ. Знакомыхъ у него въ Парижѣ не было, онъ пробовалъ сойтись съ профессорами, лекціи которыхъ ему довелось слушать, но застѣнчивость и непривычка къ свѣтской жизни ставили его въ неловкое положеніе въ обществѣ и мало по малу онъ сталъ его чуждаться. Въ своихъ письмахъ онъ жалуется на мрачное расположеніе духа, на меланхолію, которая въ немъ все болѣе и болѣе развивается. Парижане ему не нравятся: это народъ пустой, неспособный къ рѣшенію великихъ задачъ современности. Быть можетъ, думаетъ Прудонъ, его земляки изъ Франшъ-Конте призваны спасти человѣчество и преобразовать весь политическій и соціальный строй Франціи. Только они сохранили свѣжесть и силу духа, только они способны соединять стремленіе къ высокому идеалу съ трезвымъ реализмомъ, съ любовью къ дѣйствительной, повседневной жизни.

Тяжелое нравственное состояніе Прудона еще усиливалось, благодаря матеріальнымъ затрудненіямъ. Онъ не имѣлъ никакихъ доходовъ, кромѣ четырехсотъ рублей изъ академіи, но и изъ этихъ денегъ большую часть отдавалъ своей семьѣ. Ему приходилось существовать на полтораста рублей въ годъ, голодать, отказывать себѣ во всемъ необходимомъ, въ то время какъ вокругъ него веселились и жили въ роскоши и довольствѣ. Нѣсколько разъ, во время его одинокихъ прогулокъ по берегу Сены, ему приходила въ голову мысль покончить со всѣмъ и броситься въ рѣку. Одиночество и нищета его угнетали. Онъ жалѣлъ, что оставилъ свое прежнее ремесло и сдѣлался литераторомъ. Въ типографіи, за своимъ станкомъ, онъ былъ гораздо счастливѣе. Онъ пишетъ Бергману, что его состояніе такъ ужасно, что, если бы онъ внезапно разбогатѣлъ, то кошмаръ теперешней нищеты преслѣдовалъ-бы его втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ такомъ состояніи духа Прудонъ пишетъ свою знаменитую книгу о собственности. Онъ писалъ ее неровно; временами ему казалось, что труды его напрасны и что ему не удастся преодолѣть вражду сытыхъ буржуа и апатію читающей публики. Въ другіе моменты энергія его воскресала, и онъ вѣрилъ, что своей книгой спасетъ Францію.

Въ Безансонѣ Прудонъ еще искалъ ощупью свою настоящую дорогу, бросался изъ стороны въ сторону, изучалъ теологію, языки и метафизику и мечталъ быть философомъ и богословомъ. Симпатіи и впечатлѣнія всей его трудовой жизни влекли его въ другую сто-

рону, къ изученію соціальныхъ явленій. Но развитіе пошло совершенно случайно; случайно ему пришлось ознакомиться въ типографіи со многими богословскими сочиненіями и онъ заинтересовался языкознаніемъ. Все это имѣло мало отношенія къ той задачѣ, которую онъ ставилъ цѣлью своей жизни—все это не могло объяснить ему причины бѣдности на землѣ и дать орудіе для борьбы съ нищетой и порокомъ. Въ Парижѣ ему случилось прочесть нѣсколько сочиненій французскихъ экономистовъ—Росси, Сэя и другихъ; онъ заинтересовался незнакомой му областью знанія и въ скоромъ времени почувствовалъ, что его настоящее призваніе заключается въ изслѣдованіи соціальныхъ явленій. Интересно слѣдить за его перепиской въ то время, когда онъ писалъ свой мемуаръ о собственности, создавшій ему извѣстность и болѣе всѣхъ послѣдующихъ сочиненій способствовавшій тому недоразумѣнію, за которое такъ много пришлось пострадать ему самому. Послѣ знаменитой фразы Прудона «собственность есть кража», читающая публика и правительство стали видѣть въ немъ революціонера, опаснаго врага существующаго соціальнаго строя. Между тѣмъ это была глубокая ошибка. Прудонъ любилъ сильныя выраженія и въ его перепискѣ изобилуютъ подобныя фразы: «проклятіе собственности!» «Я убью въ отчаянной схваткѣ собственность и несправедливость» и т. д. Но все это были только страшныя слова. Въ дѣйствительности, онъ вовсе не желалъ какого-либо радикальнаго переворота и отлично мирился съ режимомъ Луи Филиппа. Рѣзкость его стиля достаточно объясняется условіями его жизни—мы видѣли, при какихъ подавляющихъ обстоятельствахъ приходилось Прудону писать свой первый мемуаръ о собственности.

Первое время послѣ напечатанія своего мемуара «Что такое собственность?» Прудонъ былъ упоенъ гордостью и надеждой на успѣхъ. Онъ пишетъ Бергману, что врядъ-ли какое-либо открытіе имѣло такое значеніе для человѣчества, какое будетъ имѣть его книга. Пусть только ее прочтутъ, и современный общественный строй погибъ навсегда.

Читая подобныя заявленія, нельзя не улыбнуться наивности молодаго автора. Самоувѣренность и непоколебимое убѣжденіе въ высокомъ значеніи своихъ мыслей составляли всегда его отличительную черту. Впослѣдствіи однако жизнь порядкомъ его поизмяла, и когда ему пришлось убѣдиться, что не такъ-то легко измѣнять

сразу убѣжденія человѣчества, — онъ сталъ болѣе остороженъ въ своихъ выраженіяхъ и пересталъ предаваться неумѣреннымъ надеждамъ. Тѣмъ не менѣе Прудонъ всегда оставался оптимистомъ, не смотря на свой сумрачный нравъ, раздражительность и суровость, и никогда не терялъ надежды преодолѣть всѣ препятствія и добиться успѣха.

Въ данномъ случаѣ автору пришлось испытать жестокое разочарованіе. Почти ни одна газета не помѣстила отзывовъ о новой книгѣ; читатели тоже отнеслись къ ней довольно холодно, и издатель рисковалъ потерпѣть убытокъ. Прудонъ видѣлъ въ этомъ заговоръ молчанія со стороны прессы, интриги его враговъ въ обществѣ и печати: въ дружеской перепискѣ онъ наполняетъ цѣлыя страницы жалобами на тупоуміе современнаго читателя, который не имѣетъ своего мнѣнія и ходитъ на помочахъ у газетныхъ писакъ.

Мемуаръ Прудона произвелъ больше всего впечатлѣнія на Безансонскую академію наукъ. Легко себѣ представить, какъ были удивлены и оскорблены ученые мужи этой книгой, авторъ которой объявляетъ академію солидарной съ предпринятымъ имъ походомъ противъ частной собственности. Дерзкаго стипендіата вызвали къ академическому суду и объявили ему отъ лица всей академіи публичное порицаніе. Сверхъ того имѣлось въ виду лишить его стипендіи.

Прудонъ былъ нѣсколько встревоженъ академическими громами и еще болѣе перспективой лишиться своего главнаго дохода. Но онъ не захотѣлъ безъ боя уступать свою позицію и послалъ въ академію длинное защитительное письмо, въ которомъ почтительныя выраженія искусно перемѣшиваются съ угрозами. Онъ доказывалъ, что его доктрины не заключаютъ въ себѣ ничего революціоннаго и что академія повредитъ самой себѣ въ общественномъ мнѣніи, возбудивши гоненія противъ свободы научнаго изслѣдованія.

Правительство Луи Филиппа тоже было нѣсколько встревожено мемуаромъ Прудона и намѣревалось преслѣдовать автора судебнымъ порядкомъ. Грозныя тучи, собравшіяся надъ головой молодого писателя, разсѣялись только благодаря вмѣшательству извѣстнаго экономиста и члена Парижской академіи — Бланки. Бланки представилъ въ Парижскую академію наукъ довольно сочувственный докладъ о вновь появившейся книгѣ: онъ не соглашался со многими положеніями автора и осуждалъ его рѣзкій стиль, но признавалъ въ новомъ изслѣдованіи о собственности крупныя научныя досто-

инства. Безансонская академія не рѣшилась преслѣдовать своего стипендіата за то самое сочиненіе, которое одобрилъ Бланки, и Прудонъ благополучно вывернулся изъ бѣды.

Онъ не забылъ услуги, оказанной ему Бланки, и съ того времени охотно пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выразить послѣднему свое глубокое уваженіе и благодарность. Можно даже сказать, что благодарность Прудона переходила должныя границы, ибо она заставляла его печатно пѣть хвалебные гимны Бланки, хотя послѣдній мало чѣмъ отличался отъ другихъ экономистовъ буржуазнаго направленія, съ которыми Прудонъ велъ ожесточенную полемику.

Послѣ того, какъ кончился срокъ полученія стипендіи Сюара, Прудонъ поступилъ секретаремъ къ одному богатому члену суда, занятому составленіемъ трактата по юриспруденціи. Это былъ неглупый, но совершенно бездарный и необразованный человѣкъ, напыщенный и самолюбивый. Секретарь долженъ былъ помогать ему при составленіи трактата, исполнять всякую черновую работу, которая самому автору покажется неинтересной или обременительной. Новый патронъ Прудона былъ важной особой и относился довольно пренебрежительно къ бѣдному молодому человѣку, не имѣвшему ни состоянія, ни положенія въ свѣтѣ. Но секретарь умѣлъ за себя отомстить и потѣшался надъ своимъ патрономъ, подсказывая ему такія мысли, отъ которыхъ этотъ либеральный буржуа пришелъ бы въ ужасъ, если бы только былъ способенъ понять ихъ значеніе. Въ сущности, трактатъ по юриспруденціи писалъ Прудонъ своими личными силами, а номинальный авторъ только соглашался со своимъ секретаремъ и приходилъ въ восторгъ отъ его изобрѣтательности. При этомъ Прудонъ имѣлъ свои тайныя цѣли, которыя заключались въ слѣдующемъ: онъ хотѣлъ, чтобы написанная имъ книга вышла за чужой подписью въ свѣтъ, и когда она будетъ одобрена буржуазной печатью, въ чемъ не могло быть сомнѣнія, въ виду вліятельнаго положенія ея номинальнаго автора, тогда коварный секретарь разсчитывалъ открыть свои карты, развить въ особомъ сочиненіи свои мысли, сдѣлать выводы изъ всего того, что было имъ подсказано патрону, и вдоволь посмѣяться надъ критиками и надъ авторомъ. До того времени онъ разсчитывалъ водить своего патрона за носъ и не подавать никакого вида, что трактатъ по юриспруденціи составляется имъ однимъ.

Но, какъ видно, патронъ Прудона не былъ на самомъ дѣлѣ такъ простоватъ, какъ его считалъ послѣдній, и они въ скоромъ времени

разошлись, не окончивъ труда. Этотъ эпизодъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ намъ нѣкоторыя довольно характерныя черты Прудона. Онъ не отличался искренностью и прямотой въ отношеніяхъ къ людямъ. Онъ былъ человѣкомъ убѣжденнымъ и, безъ всякаго сомнѣнія, глубоко вѣрилъ въ справедливость всѣхъ своихъ основныхъ положеній въ области науки и философіи. Но въ своей личной жизни онъ былъ склоненъ къ компромиссамъ, къ такимъ сдѣлкамъ, которыя иногда не вполнѣ мирились съ его принципами.

Въ это время Прудонъ много занимался философіей, чтобы пополнить свою философскую эрудицію, недостаточность которой была ему указана Бергманомъ. Онъ читаетъ Канта и очень имъ увлекается; съ французской философіей онъ былъ болѣе или менѣе знакомъ, прослушавши въ Сорбоннѣ курсъ лекцій по предметамъ, наиболѣе его интересовавшимъ. По своему обыкновенію, онъ предается самымъ радужнымъ надеждамъ относительно переворота, который произведутъ въ умахъ современниковъ его будущіе труды. Свои соціальныя изслѣдованія Прудонъ думаетъ основать на метафизикѣ, подъ которой, кстати сказать, онъ понимаетъ не то мнимое знаніе, которое окрестилъ этимъ именемъ О. Контъ; для Прудона метафизика есть наиболѣе общая, абстрактная система законовъ, управляющихъ міозданіемъ. Онъ мечтаетъ достигнуть славы Лейбница и Канта, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія своей жизни, несмотря на то, что жизненный путь этихъ мыслителей сравнительно съ его собственнымъ былъ усѣянъ розами и цвѣтами.

Зная, что въ правительственныхъ сферахъ смотрятъ на него очень косо, Прудонъ послалъ министру внутреннихъ дѣлъ Дюшателю два своихъ первыхъ мемуара о собственности. Второй мемуаръ былъ имъ написанъ въ формѣ открытаго письма къ Бланки. По его глубокому убѣжденію, мысли, которыя онъ развиваетъ въ своихъ произведеніяхъ, не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что могло бы не понравиться консервативному министру. Онъ надѣется, что министръ это пойметъ и избавитъ его отъ тѣхъ непріятностей, которыми сопровождалось печатаніе его перваго мемуара.

Вскорѣ послѣ этого онъ напечаталъ открытое письмо къ Консидерану, извѣстному ученику и послѣдователю Фурье. Сообщая объ этомъ своимъ друзьямъ, Прудонъ говоритъ между прочимъ, что онъ въ непродолжительномъ времени перейдетъ со всѣмъ своимъ добромъ на сторону правительства. Какъ бы по нѣкоторой ироніи

судьбы, черезъ нѣсколько дней послѣ этой фразы правительство возбудило противъ автора письма къ Консидерану судебное преслѣдованіе.

Прудонъ оставилъ въ письмѣ къ Аккерману очень юмористическое описаніе этого процесса. Ему приходилось имѣть дѣло со своими старыми врагами—академиками, такъ какъ процессъ былъ возбужденъ въ Безансонѣ подъ тайнымъ вліяніемъ мѣстной академіи наукъ. Прокуроръ произнесъ громовую рѣчь, обвинялъ подсудимаго въ возбужденіи путемъ печати ненависти къ правительству и имущему классу, въ неуваженіи къ религіи и т. д.; онъ требовалъ, чтобы подсудимый былъ присужденъ къ уплатѣ значительнаго денежнаго штрафа и пятилѣтнему тюремному заключенію. Положеніе подсудимаго было довольно затруднительнымъ: онъ не могъ отрицать тѣхъ выраженій своей брошюры, на которыхъ было построено обвиненіе. Нужно было какъ нибудь вывернуться. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ этотъ процессъ:

«Я защищалъ себя самъ; моя рѣчь длилась два часа. Представьте себѣ удивленіе всѣхъ этихъ любопытныхъ, священниковъ, женщинъ, аристократовъ и т. д., когда вмѣсто республиканца въ красномъ жилетѣ, съ козлиной бородой и замогильнымъ голосомъ, они увидѣли маленькаго блондина съ свѣтлымъ цвѣтомъ лица, съ простой и добродушной физіономіей и спокойными манерами, утверждающаго, что онъ обвиняется только по недоразумѣнію со стороны судей, которыхъ онъ тѣмъ не менѣе одобряетъ за ихъ усердіе; доказывающаго, что его идеи нисколько не расходятся съ общепринятыми и не только не враждебны правительству, а, напротивъ того, должны быть ему только пріятны... Представьте себѣ, говорю я, человѣка, обвиняемаго въ заговорѣ противъ существующаго строя, который преподноситъ въ видѣ защитительной рѣчи такой неудобоваримый трактатъ по политической экономіи, что всѣ признались въ неспособности что либо изъ него понять. Предсѣдатель суда заявилъ: «этотъ человѣкъ вращается въ сферѣ идей, недоступныхъ для толпы. Мы не можемъ обвинять на вѣтеръ, а кто можетъ поручиться въ его виновности?»... Но это не все: обвиненный въ томъ, что я возбуждаю ненависть и презрѣніе къ философамъ, журналистамъ, чиновникамъ, депутатамъ и пр., я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выяснить съ научной точки зрѣнія значеніе этихъ общественныхъ классовъ. Съ самымъ серьезнымъ видомъ я сыпалъ сарказмами, острилъ, подпускалъ шпильки и дѣ-

лалъ очень прозрачные намеки на нѣкоторыхъ особъ, сидѣвшихъ въ залѣ. Это произвело поразительный эффектъ. Присяжные переглядывались и кусали губы отъ смѣха; судьи смотрѣли внизъ, чтобы сохранить свое достоинство, а публика заливалась хохотомъ. Я былъ оправданъ при всеобщихъ апплодисментахъ, и сами судьи поздравляли меня и пожимали мнѣ руки».

Прудонъ былъ очень доволенъ своей побѣдой. Въ ней онъ видѣлъ доказательство своей практической ловкости, умѣнья говорить людямъ въ глаза самыя горькія истины, не оскорбляя ихъ и не вызывая съ ихъ стороны преслѣдованій. Послѣ этого эпизода Прудонъ еще болѣе укрѣпился въ мысли, что онъ можетъ отлично поладить съ Іюльскимъ правительствомъ.

Но заботясь о примиреніи съ властями, онъ не забывалъ въ то же время искать популярности среди общества и народа. Его очень безпокоитъ та мысль, что онъ долженъ былъ раскрыть свои карты: долженъ былъ показать, что его нападенія на собственность не имѣютъ въ виду радикальнаго и немедленнаго преобразованія этого соціальнаго института, и что по существу его доктрины не враждебны правительству. Это можетъ уронить его въ общественномъ мнѣніи, можетъ оттолкнуть отъ него многихъ глупцовъ, готовыхъ немедленно кричать о подкупѣ. Ему бы хотѣлось вести двойную игру: быть въ ладу съ правительствомъ и казаться въ то же время его противникомъ.

Мы уже говорили, что прямота и искренность не были достоинствами Прудона. Въ данномъ случаѣ его поведеніе можетъ быть прямо названо лицемѣрнымъ; онъ надуваетъ своихъ читателей для того, чтобы не потерять популярности. Онъ не прибѣгаетъ къ сознательной лжи—это было бы ужъ слишкомъ нехорошо; но онъ не прочь ввести читателя въ заблужденіе рѣзкостью тона, темными намеками, недосказанными фразами. Онъ самъ слѣдующимъ образомъ опредѣлялъ характеръ своей дѣятельности: «непоколебимость принциповъ, постоянныя сдѣлки съ людьми и обстоятельствами». Съ такимъ девизомъ можно примириться, если сдѣлки совершаются ради успѣха самаго общественнаго дѣла, если этого требуютъ высшіе интересы. Но Прудонъ частенько вступалъ въ сдѣлки со своей совѣстью подъ вліяніемъ чисто личныхъ мотивовъ, какъ напримѣръ—подъ вліяніемъ тщеславія, боязни за свою личную безопасность и т. д.

Правда, попытки Прудона одурачить людей, съ которыми онъ

имѣлъ сношенія, рѣдко имѣли успѣхъ и обыкновенно онъ самъ оставался одураченнымъ. Въ сущности, онъ совсѣмъ не былъ практичнымъ человѣкомъ и потому до конца жизни не могъ мало-мальски сносно устроить свои дѣла. На первомъ планѣ для него всегда стояла идея и онъ горячо любилъ истину, хотя и не совсѣмъ безкорыстной любовью. Все это время онъ жилъ въ Парижѣ, изрѣдка заглядывая на свою родину, во Франшъ-Конте. Положеніе его среди парижскаго общества мало измѣнилось со времени его пріѣзда въ столицу. Онъ стоялъ также изолированно, также мало встрѣчалъ сочувствія и поддержки со стороны столичной прессы и со стороны вожаковъ общественнаго мнѣнія. Съ соціалистами и республиканцами Прудонъ былъ въ открытой враждѣ; съ защитниками Іюльской монархіи онъ не могъ имѣть ничего общаго ни по своему характеру, ни по своимъ убѣжденіямъ. Онъ могъ высказывать пожеланія сблизиться съ правительствомъ, но при первомъ столкновеніи съ людьми правительственной партіи, для него становилось ясно, какая глубокая пропасть раздѣляетъ его отъ сытыхъ и довольныхъ буржуа, составлявшихъ опору трона Луи Филиппа. У него оставались друзья, но друзья эти были далеко отъ Парижа, разбросанные по всей Франціи. Нѣкоторые изъ нихъ хорошо устроились: Бергманъ женился на любимой дѣвушкѣ, былъ счастливъ и пользовался общимъ уваженіемъ въ Страсбургѣ. Другимъ не повезло: Аккерманъ не могъ ужиться во Франціи и переселился въ Берлинъ. Связь между всѣми ими поддерживалась только благодаря Прудону. Онъ сообщаетъ имъ свѣдѣнія другъ о другѣ и часто журитъ ихъ за недостатокъ дружбы, за то, что новыя привязанности мало по малу вытѣсняютъ старыя.

Денежныя средства Прудона были, по обыкновенію, не блестящи. Онъ зарабатывалъ немного литературой и продолжалъ получать небольшіе и невѣрные доходы отъ своей типографіи. Но вообще его матеріальное положеніе улучшилось, и ему уже не приходилось испытывать той подавляющей нищеты, которая вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Парижъ доводила его до мысли о самоубійствѣ.

1842 годъ прошелъ для него довольно мирно. Послѣ его оправданія на судѣ онъ менѣе, чѣмъ когда либо, былъ склоненъ къ враждебному отношенію къ правительству. Въ это время ему было 33 года и онъ выражаетъ въ письмахъ желаніе успокоиться и отдохнуть отъ полемики. Онъ ищетъ мѣста при Безансонской меріи; ему хочется вернуться въ родной городъ и всецѣло отдаться научнымъ заняті-

ямъ. Ему рисуются мирныя картины будущаго, спокойное, чуждое всякихъ увлеченій и порывовъ изученіе законовъ развитія человѣческихъ обществъ, изслѣдованія тѣхъ основныхъ принциповъ, на которыхъ зиждется наша жизнь. Пора ему проститься со своимъ существованіемъ богемы и занять нѣкоторое положеніе въ свѣтѣ. Онъ знаетъ, что въ префектурѣ у него много недоброжелателей. Но правительство должно наконецъ понять, что его лучше имѣть своимъ другомъ, чѣмъ врагомъ. Быть можетъ, ему суждено одновременно быть самымъ крайнимъ реформаторомъ эпохи и пользоваться расположеніемъ и поддержкой власти.

Какъ и слѣдовало ожидать, правительство не относилось къ Прудону на столько же благосклонно, на сколько былъ благосклоненъ къ правительству послѣдній. Ему отказали въ мѣстѣ, какъ человѣку опасному и не внушающему довѣрія префектурѣ. Судьба не позволила Прудону осуществить его скромные идеалы и толкала его на борьбу и лишенія. Подъ первымъ впечатлѣніемъ своей неудачи, онъ пишетъ Бергману письмо, полное негодованія, которое заканчиваетъ слѣдующими словами: «отвергнутый префектурой и меромъ, подозрительный суду, ненавистный духовенству, страшный для буржуазіи, безъ профессіи, безъ состоянія и безъ кредита— вотъ чего я достигъ въ 34 года».

Около этого времени онъ покончилъ ликвидацію своей типографіи, причемъ на немъ остался долгъ въ 2000 руб. Хозяйственныя хлопоты не мѣшали ему работать, и онъ докончилъ давно начатое сочиненіе «Созданіе порядка въ человѣческомъ обществѣ»; эта книга должна была дать, по мысли автора, философскія обоснованія всѣмъ тѣмъ положеніямъ, которыя имъ развивались въ мемуарахъ о собственности. Посвящая ее Бергману, Прудонъ высказываетъ сожалѣніе, что его развитіе шло неправильно и что онъ получилъ исключительно теологически-философское образованіе. Признаніе для автора довольно характерное.

Въ 1843 году въ Страсбургѣ состоялся научный конгрессъ. Прудонъ не могъ лично принимать въ немъ участіе, но тѣмъ не менѣе живо интересовался его работами. Несмотря на то, что онъ уже давно перестал занiматься филологіей, онъ не потерялъ къ ней интереса и просилъ Бергмана сообщить ему подробно, къ какимъ результатамъ пришелъ конгрессъ относительно слѣдующаго вопроса: «почему въ греческомъ языкѣ существительныя имена множественнаго числа средняго рода согласуются съ глаголомъ въ

единственномъ числѣ?» Довольно любопытно, что изъ всѣхъ поставленныхъ конгрессомъ вопросовъ Прудона болѣе всего интересовалъ вопросъ специально-филологическій.

Потерявши типографію, Прудонъ лишился постояннаго, хотя и довольно скуднаго, источника доходовъ. Но ему очень кстати подвернулось другое занятіе. Его старый другъ А. Готье предложилъ ему завѣдывать дѣлами своей фирмы, которая занималась транспортированіемъ лѣса и каменнаго угля. Готье былъ съ дѣтства знакомъ съ Прудономъ и учился съ нимъ въ одномъ коллежѣ; судьба ихъ разъединила. Но когда его старый другъ достигъ извѣстности, Готье завязалъ съ нимъ пріятельскую переписку и предложилъ ему мѣсто у себя.

Новое занятіе Прудона было очень хлопотливымъ и оставляло ему мало свободнаго времени. По цѣлымъ днямъ ему приходилось имѣть дѣло съ кочегарами, матросами, коммиссіонерами и др. Онъ былъ главнымъ прикащикомъ и совѣтникомъ своихъ хозяевъ. Въ началѣ Прудонъ былъ доволенъ возможностью «увеличить запасъ своихъ наблюденій и закончить на опытѣ курсъ политической экономіи, начатый съ Сэя и Смита». Съ чувствомъ большаго удовольствія онъ описываетъ свое времяпровожденіе Аккерману и прибавляетъ: «будучи, какъ рабочій, раздавленъ конкурренціей, я теперь въ свою очередь содѣйствую тому, чтобы давить другихъ; я имѣю возможность примѣнить на практикѣ всѣ мои организаціонные планы и пользуюсь ими, чтобы дѣлать опыты надъ злонамѣренными конкуррентами in anima vili. Между дѣломъ я пишу брошюры по административнымъ вопросамъ, петиціи къ министру, запросы префекту, снабжаю разными бумагами министерскую канцелярію—словомъ, если бы правительство знало, какого энергичнаго помощника оно имѣетъ во мнѣ, оно дало бы мнѣ пенсію вмѣсто того, чтобы учреждать за мною полицейскій надзоръ».

Въ качествѣ защитника интересовъ своихъ хозяевъ ему часто приходилось выступать въ судѣ и при этомъ онъ проявлялъ такую ловкость и умѣнье, что нѣкоторыя друзья Прудона серьезно совѣтовали ему заняться юриспруденціей. Дѣйствительно, по складу своего ума, нѣсколько формальнаго и сухого, онъ могъ бы быть хорошимъ юристомъ.

Втеченіи четырехъ лѣтъ, отъ 1843 до 1847 гг., Прудонъ продолжалъ завѣдывать дѣлами фирмы Готье. Подъ конецъ его стали утомлять хлопоты по снаряженію судовъ; кромѣ того, онъ не былъ

доволенъ тѣми хозяйственными пріемами, къ которымъ прибѣгалъ его патронъ, и они разошлись, несмотря на то, что Готье очень дорожилъ услугами своего стараго друга. Прудонъ былъ очень радъ освободиться отъ зависимости и давалъ въ письмѣ къ Бергману обѣщаніе никогда не служить у знакомыхъ, а тѣмъ болѣе у друзей; онъ хочетъ, хотя бы на время, быть своимъ собственнымъ хозяиномъ.

Втеченіи этихъ четырехъ лѣтъ ему приходилось довольно часто бывать въ Парижѣ и иногда жить тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Онъ познакомился со многими видными представителями экономической науки во Франціи, причемъ ближе другихъ сошелся съ Ж. Гарнье. Вообще, кругъ его знакомыхъ значительно расширился. Къ этому времени Прудонъ уже сдѣлался извѣстнымъ человѣкомъ, съ мнѣніемъ котораго всѣмъ приходилось считаться: объ немъ знали и говорили не только во Франціи, но и заграницей.

Въ сороковыхъ годахъ во Франціи шла такая оживленная умственная работа, которая нѣсколько напоминала литературное движеніе прошлаго столѣтія наканунѣ великой революціи. Въ Парижѣ собирались со всей Европы сливки радикальной и демократической интеллигенціи. На поверхности все было мирно и спокойно, и правительство Луи Филиппа казалось прочнѣе, чѣмъ когда либо; но въ обществѣ и народѣ все находилось въ движеніи, все волновалось и кипѣло. Создавались всевозможныя планы преобразованія соціальнаго строя, по большей части, совершенно утопичные, но проникнутые горячей любовью къ человѣчеству и самымъ искреннимъ стремленіемъ къ добру и свѣту. Это было время, когда пожилые люди, старики съ горячностью юношей разсуждали о судьбахъ народовъ и вѣрили въ близкое обновленіе всего человѣчества. Казалось, что могучій порывъ идеализма охватилъ всю старую Европу и что близится громадный соціальный переворотъ. Центромъ этого движенія былъ Парижъ. Прудонъ въ скоромъ времени ознакомился съ кружкомъ добровольныхъ и недобровольныхъ изгнанниковъ, собравшихся въ Парижѣ, и съ нѣкоторыми изъ нихъ подружился и сошелся довольно близко.

Въ числѣ этихъ изгнанниковъ находился въ Парижѣ и Карлъ Марксъ, впослѣдствіи пріобрѣтшій громадную извѣстность, а въ то время бывшій молодымъ писателемъ. Вдвоемъ съ Прудономъ они проводили долгія ночи въ спорахъ и, безъ всякаго сомнѣнія, эти споры не мало содѣйствовали выработкѣ ихъ собственныхъ взглядовъ и убѣжденій, хотя нельзя сказать, чтобы одинъ изъ нихъ подчинился

вліянію другого. Марксъ былъ моложе Прудона, но онъ обладалъ громаднымъ преимуществомъ основательнаго и систематическаго научнаго образованія, отсутствіе котораго было несчастіемъ послѣдняго. Оба эти человѣка имѣли слишкомъ мало общаго въ своихъ взглядахъ, слишкомъ расходились по своей натурѣ и между ними не могли установиться дружескія отношенія. Впослѣдствіи, послѣ рѣзкой критики К. Марксомъ «Экономическихъ противорѣчій» Прудона, всякія сношенія между ними были порваны.

Въ числѣ новыхъ друзей Прудона мы встрѣчаемъ одного молодаго нѣмецкаго писателя К. Грюна, который оставилъ очень интересное описаніе своего знакомства съ авторомъ знаменитаго трактата о собственности.

«Я его представлялъ себѣ, пишетъ К. Грюнъ, человѣкомъ лѣтъ сорока, съ черными глазами, съ недовѣрчивымъ видомъ, съ лицемъ омраченнымъ заботами и страданіемъ, съ тѣмъ неизъяснимымъ выраженіемъ добродушія, которое можно было прочесть на лицѣ Ж.Ж. Руссо и Л. Берне. Какъ я могъ представить себѣ другимъ этого одинокаго, смѣлаго и безпощаднаго мыслителя и рабочаго, этого пролетарія, который создаетъ въ интересахъ пролетаріата цѣлую науку?

Когда я вошелъ въ комнату Прудона, я увидѣлъ довольно большого человѣка, нервнаго, не старше лѣтъ тридцати, одѣтаго въ шерстяную куртку и съ деревянными башмаками на ногахъ. Студенческая комната съ одной кроватью; немного книгъ на полкахъ, на столѣ номера «National» и экономическихъ журналовъ. Не прошло 5 минутъ, какъ у насъ завязался самый задушевный разговоръ, и я убѣдился, насколько я былъ далекъ отъ истины, когда предполагалъ встрѣтить въ Прудонѣ недовѣрчивое отношеніе къ людямъ. Открытое лицо, прекрасный лобъ, каріе глаза, нижняя часть лица нѣсколько массивная и выражающая твердую натуру горныхъ обитателей Юры; дикція энергическая, съ нѣсколько деревенскимъ акцентомъ; языкъ сжатый и точный, съ почти математической правильностью выраженій; характеръ спокойный и увѣренный, не лишенный веселости; однимъ словомъ, человѣкъ, который всегда и вездѣ можетъ за себя постоять».

Грюнъ вмѣстѣ съ К. Марксомъ познакомили Прудона съ философіей Гегеля. Не зная нѣмецкаго языка, Прудонъ не могъ прочесть произведеній знаменитаго философа, ученія котораго облетѣли въ то время всю Европу; тѣмъ не менѣе изъ устныхъ разговоровъ съ друзьями онъ настолько заинтересовался этой философіей, что сдѣ-

лалъ попытку въ своемъ самомъ капитальномъ сочиненіи примѣнить діалектическій методъ Гегеля къ построенію системы экономическихъ противорѣчій.

Въ одномъ пунктѣ К. Грюнъ не могъ согласиться со своимъ новымъ другомъ, который привелъ его въ восхищеніе своимъ рѣшительнымъ характеромъ и независимостью мыслей. Защитникъ равенства всѣхъ людей оказался рѣшительнымъ противникомъ равноправности женщинъ. К. Грюнъ теряется въ догадкахъ, какимъ образомъ такой послѣдовательный человѣкъ можетъ быть настолько непослѣдователемъ въ этомъ отношеніи. Впрочемъ это обстоятельство не уменьшило уваженія къ Прудону, которое Грюнъ почувствовалъ съ первой минуты своего знакомства съ нимъ: онъ дѣятельно пропагандировалъ въ Германіи сочиненія послѣдняго и перевелъ нѣкоторыя изъ нихъ на нѣмецкій языкъ.

Въ то же время Прудонъ познакомился съ Даримономъ, который можетъ быть названъ его единственнымъ ученикомъ достигшимъ нѣкоторой извѣстности; впослѣдствіи они совмѣстно редактировали «Voix du peuple». Даримонъ былъ провинціаломъ и въ 47 году пріѣхалъ въ Парижъ для изученія соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ; ему случилось обѣдать съ Прудономъ въ одномъ ресторанѣ и онъ воспользовался случаемъ, чтобы познакомиться съ авторомъ, сочиненія котораго составляли для него символъ вѣры. Ихъ отношенія никогда не были особенно близки, но учитель цѣнилъ въ своемъ ученикѣ и сотрудникѣ по газетѣ умѣнье ясно и хорошо передавать его мысли, смягчая все то рѣзкое и имѣющее слишкомъ мягкій характеръ, что́ составляло и силу и слабость его собственной писательской манеры.

Въ 1846 г. Прудонъ потерялъ отца; его мать удалилась въ свою родную деревню и умерла тамъ черезъ годъ. Какъ и раньше, она получала содержаніе отъ сына, который выказывалъ по отношенію къ ней постоянную заботливость, исполненную нѣжности и любви. Ея смерть глубоко его поразила и онъ пишетъ своему другу: «вотъ я совсѣмъ одинъ, порядкомъ таки разочарованный, безъ привязанности, безъ пристанища. Но сколько бы я себѣ не повторялъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Ліонъ, я не имѣю больше ни семьи, ни дома, ни положенія, я всетаки не могу повѣрить такому полному одиночеству, не могу примириться съ мыслью, что никому нѣтъ до меня дѣла, что у меня нѣтъ больше моей старухи-матери».

Въ это время онъ написалъ самое крупное свое произведеніе

«Экономическія противорѣчія или философія нищеты». Всѣ его предшествовавшіе труды казались ему подготовленіемъ къ этому сочиненію, значеніе котораго онъ, по обыкновенію, преувеличивалъ въ громадныхъ размѣрахъ, но наученный горькимъ опытомъ не разсчитывалъ на немедленный и быстрый успѣхъ. Интересно то, что, какъ можно заключить изъ его переписки, онъ и самъ не зналъ, въ то время, въ чемъ должно состоять примиреніе противорѣчій, которыя онъ находитъ во всѣхъ основныхъ экономическихъ категоріяхъ. До Февральской революціи онъ былъ только критикомъ и потому, несмотря на свои выдающіеся научныя и литературныя дарованія, стоялъ такъ одиноко среди парижской обусловленной жизни и пользовался сравнительно незначительнымъ вліяніемъ.

III.

Литературная дѣятельность Прудона до Февральской революціи. — «Что такое собственность».— «Экономическія противорѣчія или философія нищеты».

Мы описали жизнь Прудона въ первый періодъ его литературной дѣятельности, когда онъ еще не выступалъ соціальнымъ реформаторомъ и стоялъ въ сторонѣ отъ политики; къ этому періоду относятся его наиболѣе интересныя въ научномъ отношеніи произведенія—«Мемуары о собственности» и «Экономическія противорѣчія». Всѣ основныя воззрѣнія этого парадоксальнаго и не всегда послѣдовательнаго писателя сложились окончательно ко времени февральской революціи; но до 1848 г. онъ ограничивался критикою современнаго экономическаго порядка и не пытался приступить къ болѣе трудному дѣлу — къ положительному рѣшенію соціальнаго вопроса.

Мы уже говорили нѣсколько разъ, что Прудонъ не получилъ правильнаго научнаго образованія. Для неспеціалиста онъ былъ довольно хорошо знакомъ съ теологіей и философіей, но его экономическая эрудиція была не особенно обширна и ограничивалась почти исключительно сочиненіями французскихъ экономистовъ. Ему не хватало знакомства, хотя бы элементарнаго, съ точными науками. Хотя онъ иногда и говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ о методѣ Кювье,

о Лапласѣ и другихъ естествоиспытателяхъ, но по всему видно, что свѣдѣнія о нихъ дошли до него совершенно случайно.

Постоянная забота о насущномъ хлѣбѣ мѣшала ему пополнить хорошо сознаваемые имъ самимъ недостатки образованія. Ему приходилось работать наскоро, знакомиться съ литературой предмета по мѣрѣ того, какъ онъ писалъ и издавалъ свои сочиненія въ несовсѣмъ обработанномъ видѣ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что, работая при такихъ условіяхъ, онъ часто противорѣчилъ самъ себѣ и много разъ измѣнялъ свои печатно высказанныя мнѣнія. Такъ напримѣръ, въ своей книгѣ «О созданіи порядка въ человѣческомъ обществѣ» онъ доказываетъ, что металлическія деньги есть необходимая основа всякаго сложнаго хозяйственнаго строя, въ которомъ существуетъ раздѣленіе труда. Между тѣмъ, впослѣдствіи главной задачей проэктированныхъ имъ экономическихъ реформъ было уничтоженіе металлическихъ денегъ, какъ орудій товарнаго обращенія. При изложеніи политическихъ и экономическихъ воззрѣній Прудона мы будемъ часто встрѣчаться съ противорѣчіями и непослѣдовательностями. Этотъ недостатокъ его сочиненій зависѣлъ до извѣстной степени отъ самой прихотливой и оригинальной натуры Прудона.

Его философскія воззрѣнія подвергались также различнымъ измѣненіямъ въ связи съ условіями его личной и общественной жизни. Одно время онъ сильно увлекался Гегелевской философіей, съ которой познакомился изъ разговоровъ съ друзьями. Интересно, что хотя самъ Гегель былъ консерваторомъ и противникомъ насильственныхъ переворотовъ, многіе радикальные реформаторы 40-хъ годовъ были гегельянцами и основывали на его ученіи свою рѣзкую и сильную критику современнаго строя. Въ 46 году, ко времени своего знакомства съ Марксомъ, Прудонъ не выработалъ еще никакого плана общественной реформы и гегелевскій діалектическій методъ пришелся ему какъ нельзя болѣе кстати. Впослѣдствіи, когда онъ сталъ болѣе примирительно относиться къ существующему строю, онъ безъ всякаго колебанія отказался отъ своихъ прежнихъ философскихъ взглядовъ и самъ сталъ подтрунивать надъ гегелевской діалектикой.

Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, что его основныя убѣжденія были шатки и непостоянны; его міросозерцаніе покоилось не на доводахъ разсудка, а на чувствѣ, на всемъ опытѣ его жизни, на тѣхъ на половину безсознательныхъ впечатлѣніяхъ, ко-

торыя онъ получалъ въ дѣтствѣ, въ родной семьѣ, на поляхъ своего отца, на скамьяхъ коллежа. Суровая борьба съ нищетой, которую ему приходилось вести, закалила его характеръ и докончила его умственное развитіе. Онъ могъ противорѣчить себѣ въ частностяхъ и въ вопросахъ, не имѣвшихъ для него важнаго значенія, но всегда стремился къ одной и той же цѣли и всегда оставался горячимъ защитникомъ интересовъ трудовой массы, изъ которой самъ вышелъ.

Какъ всѣ даровитые самоучки, Прудонъ былъ полонъ увѣренности въ своихъ силахъ. Ему казалось, что онъ открылъ для общественныхъ наукъ новый методъ изслѣдованія, при помощи котораго можно съ математической точностью вывести законы соціальнаго строя, подобно тому какъ Ньютонъ установилъ законы всемірнаго тяготѣнія. Уже изъ этого одного видно, какъ мало понималъ Прудонъ особенности соціальныхъ явленій со всей ихъ безконечной сложностью и измѣнчивостью, которыми онѣ такъ рѣзко отличаются отъ явленій физическаго міра. Сочиненія Прудона не представляютъ собою систематическихъ изслѣдованій современнаго общественнаго строя; въ нихъ разсѣяно много вѣрныхъ и остроумныхъ мыслей, встрѣчается довольно часто удачная критика существующаго, но все вмѣстѣ является нѣсколько безсвязнымъ цѣлымъ, въ которомъ мало послѣдовательности и логическаго порядка. Его аргументація отличается однимъ основнымъ недостаткомъ: онъ не знаетъ, что̀ требуетъ доказательства и часто принимаетъ какъ само собой очевидное то, что̀ еще должно быть доказано. Изложеніе Прудона страдаетъ неясностью и темнотой. Читатель легко замѣчаетъ, что самъ авторъ еще не вполнѣ овладѣлъ своей мыслью, что онъ ее болѣе чувствуетъ, чѣмъ понимаетъ. Кто ищетъ въ книгѣ прежде всего знанія, того сочиненія Прудона не легко удовлетворятъ; такому читателю придется потратить не мало труда, чтобы разобраться въ причудливомъ фейерверкѣ словъ, остроумныхъ замѣчаній и парадоксовъ, которые характеризуютъ писательскую манеру Прудона. За то въ литературномъ отношеніи многія его произведенія не уступаютъ лучшимъ образцамъ французской прозы: они написаны сильнымъ, энергичнымъ языкомъ, возвышающимся иногда до самаго могучаго лиризма. Читатель невольно поддается очарованію, соглашается съ авторомъ, не столько убѣжденный его доводами, сколько увлеченный искренностью его негодованія противъ всякаго рода зла и несправедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ.

Основаніемъ всей научной и публицистической дѣятельности Прудона являются двѣ этическія идеи—идеи равенства и свободы. Намъ нечего говорить о томъ, какимъ образомъ онѣ получили для него такое громадное, преобладающее значеніе. Вся французская исторія XIX столѣтія объясняется борьбой народа во имя свободы и равенства со старымъ общественнымъ строемъ, съ остатками феодализма и абсолютной монархіи. Для прогрессивныхъ элементовъ французскаго общества новые идеалы сдѣлались предметомъ почти религіознаго культа. Прудонъ такъ же естественно усвоилъ свое міросозерцаніе, какъ ребенокъ усвоиваетъ свой родной языкъ, безъ мучительной работы мысли, безъ колебаній и сомнѣній. Онъ никогда не спрашивалъ себя, дѣйствительно ли свобода и равенство — высшія блага въ жизни, къ которымъ человѣчество должно стремиться; его задача заключалась только въ томъ, чтобы найти лучшій способъ для осуществленія этихъ идеаловъ и съ этой цѣлью онъ подвергаетъ критическому анализу основанія экономической организаціи современнаго общества.

Во главѣ соціальныхъ институтовъ, образующихъ тотъ общественный строй, которымъ европейскія націи такъ гордятся, стоитъ институтъ частной собственности. Все хорошее и дурное въ нашихъ учрежденіяхъ имѣетъ самое тѣсное отношеніе къ организаціи права собственности; поэтому критика соціальнаго строя должна быть прежде всего направлена на изслѣдованіе этого института, существующаго съ незапамятныхъ временъ у всѣхъ культурныхъ народовъ.

Приведемъ вкратцѣ содержаніе перваго мемуара Прудона о собственности. Онъ разбираетъ обычныя обоснованія этого права. Со временъ Цицерона многіе юристы слѣдующимъ образомъ доказываютъ необходимость частной собственности. Для того, чтобы земледѣлецъ могъ работать и добывать себѣ пищу, онъ долженъ занять извѣстный участокъ земли. Первоначально земля, какъ и всѣ прочіе предметы, не принадлежала никому и поэтому всякій могъ захватывать себѣ столько земли, сколько ему было нужно для обработки. Но когда вся земля была такимъ образомъ подѣлена, положеніе вещей рѣзко измѣнилось. Завладѣвать было нечѣмъ, потому что никто не имѣетъ права пользоваться той вещью, которая уже принадлежитъ другому. Такимъ путемъ образовались имущіе и неимущіе классы, собственники и пролетаріи.

Но завладѣніе, говоритъ Прудонъ, можетъ давать человѣку

право лишь на то, что ему дѣйствительно необходимо для существованія и съ чѣмъ онъ лично можетъ справиться. Поэтому нельзя оправдать захватъ однимъ лицомъ громадныхъ земельныхъ пространствъ.

Экономисты, со времени Локка, приводятъ обыкновенно другого рода доводы въ защиту частной собственности. Они говорятъ, что собственность основывается на правѣ работника безконтрольно распоряжаться продуктами своего труда. Человѣкъ обработываетъ землю, прилагаетъ къ ней свой трудъ и тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ на нее право собственности. Но развѣ продуктомъ его труда является земля, а не хлѣбъ, сѣно и другіе земные плоды? Почему же право собственности простирается не только на продукты, но и на орудія производства? Почему трудъ, который раньше могъ создавать собственность, теперь лишенъ этой волшебной силы? Почему фермеръ въ настоящее время не пріобрѣтаетъ собственности на землю, которую онъ десятки лѣтъ обрабатываетъ и улучшаетъ?

Что же такое, въ концѣ концовъ, частная собственность? Это—право получать доходы, не принося пользы обществу. Доходы эти имѣютъ слѣдующее происхожденіе: рабочій создаетъ больше новыхъ цѣнностей, чѣмъ получаетъ ихъ въ видѣ заработной платы: излишекъ поступаетъ въ пользу капиталиста и составляетъ его ренту. Отсюда извѣстный тезисъ Прудона: «La propriété c'est le vol».

Но если собственность разрушаетъ равенство, ведетъ къ порабощенію слабаго сильнымъ, къ эксплуатаціи труда, то коммунизмъ привелъ бы къ другому неравенству, еще болѣе гибельному. Въ такомъ обществѣ, о какомъ мечтаютъ соціалисты, слабые угнетали бы сильныхъ, лѣнивые и неспособные жили бы на счетъ трудящихся и способныхъ. Коммунизмъ есть система самаго худшаго рабства, такъ какъ общность владѣнія требуетъ организаціи труда, лишаетъ членовъ общества свободы дѣйствія и превращаетъ ихъ всѣхъ въ чиновниковъ.

И такъ, къ чему слѣдуетъ стремиться, къ какому общественному строю? Нужно стремиться къ свободѣ и равенству...

Таково содержаніе перваго мемуара Прудона о собственности. Эта небольшая книжка въ 200 страницъ, написанная въ нѣсколько мѣсяцевъ молодымъ, подавленнымъ нуждою человѣкомъ, сдѣлала извѣстнымъ всему міру парадоксальное положеніе: «собственность есть кража». Все, что Прудонъ написалъ впослѣдствіи, не получило такого широкаго распространенія, какъ эти нѣсколько словъ.

Какое значеніе придавалъ имъ самъ авторъ, можно видѣть изъ того, что, по его мнѣнію, эта короткая фраза была самымъ крупнымъ событіемъ въ царствованіи Луи Филиппа.

Собственность есть кража—это было впервые высказано задолго до Прудона извѣстнымъ жирондистомъ Бриссо. Рѣзкая форма, смѣлое отождествленіе двухъ такихъ понятій, которыя въ обыденной жизни всѣми признаются противоположными и взаимно-исключающими другъ друга—заслуга всего этого принадлежитъ не Прудону, а его предшественнику. Между тѣмъ вся оригинальность открытія Прудона заключается исключительно въ формѣ: по содержанію оно давно уже было сдѣлано англійскими соціалистами — Томсономъ, Греемъ и др. Если перевести на обыкновенный языкъ парадоксы Прудона, то мы получимъ слѣдующее положеніе: собственность даетъ человѣку возможность присвоивать себѣ продукты чужого труда. Таже мысль была впослѣдствіи развита Родбертусомъ и Марксомъ и сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ всей системы научнаго соціализма нашего времени. Но Прудонъ удовольствовался красивой фразой и не думалъ дѣлать изъ нея никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ. Въ этомъ сказалась его отличительная черта какъ писателя и ученаго: онъ любилъ красивые обороты мысли не столько ради ихъ содержанія, сколько ради ихъ внѣшней красоты, и наслаждался послѣдней какъ истинный художникъ.

Когда читаешь лирическія изліянія Прудона, его обращенія къ Божеству и небесамъ, его проклятія человѣчеству, то невольно напрашивается сравненіе знаменитаго публициста съ его землякомъ, великимъ поэтомъ и мастеромъ слова — Викторомъ Гюго. Оба эти писателя питаютъ пристрастіе къ парадоксамъ, къ блестящимъ и неожиданнымъ сравненіямъ, къ антитезамъ, усиливающимъ въ громадной степени эффектъ рѣчи. Оба они служатъ типичными представителями французской мысли. Но Викторъ Гюго былъ художникомъ и потому погоня за внѣшними эффектами мало ему вредила и придавала только излишнюю цвѣтистость его стилю; Прудонъ же былъ ученымъ и хотѣлъ быть изслѣдователемъ въ самой трудной области человѣческаго знанія, въ области соціальныхъ отношеній. Любовь къ парадоксамъ часто направляла его по ложному пути и мѣшала ему всесторонне изслѣдовать явленія съ безпристрастіемъ истиннаго жреца науки.

Если сравнивать Прудона съ В. Гюго, то нужно отмѣтить одну характерную черту, дѣлающую ихъ различными по натурѣ. Прудонъ

былъ совершенно лишенъ фантазіи, той волшебной творческой силы, которая можетъ уносить человѣка далеко за предѣлы дѣйствительности и открывать передъ нимъ новые неожиданные горизонты. По описаніямъ, французскій крестьянинъ средней полосы представляется намъ человѣкомъ, что называется «себѣ на умѣ», трезвымъ и положительнымъ, совсѣмъ не склоннымъ къ мечтательности и идеализму. Изъ такой среды вышелъ Прудонъ и, несмотря на измѣнившіяся условія его жизни, всегда оставался типичнымъ крестьяниномъ, какъ въ своихъ частныхъ отношеніяхъ, у семейнаго очага, такъ и въ своей общественной дѣятельности. Онъ не былъ способенъ къ самостоятельному творчеству въ соціальной области и этимъ до извѣстной степени объясняется его антипатія ко всякаго рода соціалистическимъ утопіямъ. Какъ публицистъ, Прудонъ умѣлъ выпукло и ярко представить все то смѣшное и неосуществимое, что характеризовало мечтанья Фурье, Кабе и другихъ реформаторовъ того времени. Онъ считалъ насиліемъ надъ человѣческой природой стремленіе этихъ реформаторовъ навязать человѣчеству новый соціальный порядокъ, въ которомъ всѣ отдѣльные факторы искусственно соединены въ одну громадную машину. Но ему самому не хватало поэтической способности и воображенія Фурье, увлекавшаго своими фантастическими картинами такихъ людей, какъ Консидеранъ, Лоренцъ Штейнъ, Дж. Ст. Милль и др.

Мемуары Прудона о собственности представляютъ изъ себя блестящіе публицистическіе опыты, способные разбудить дремлющую мысль и подтолкнуть ее къ самостоятельной работѣ, но они не имѣютъ большого научнаго значенія. Вмѣсто того, чтобы тщательно изучить развитіе частной собственности во времени и пространствѣ, изслѣдовать всѣ разнообразныя формы, которыя этотъ соціальный институтъ принималъ у различныхъ народовъ, и выяснить наконецъ характеръ собственности по дѣйствующему законодательству, онъ довольствуется опроверженіемъ доводовъ, приводимыхъ въ курсахъ гражданскаго права и политической экономіи въ защиту частной собственности. Доказавши неосновательность этой защиты, онъ готовъ торжествовать побѣду надъ собственностью и считаетъ свою задачу законченной, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ къ ней и не приступалъ. Подобныя работы относятся скорѣе къ области права въ его догматической части, чѣмъ къ политической экономіи, изучающей законы народнаго хозяйства, какъ они проявляются въ дѣйствительности.

Мы говорили, что стремленіе къ свободѣ и равенству лежало въ основаніи всей дѣятельности Прудона. Но всегда ли эти идеалы находятся во взаимной гармоніи, всегда ли они согласуются другъ съ другомъ? Не существуетъ ли между ними коренного, непримиримаго антагонизма, который заставляетъ насъ жертвовать однимъ идеаломъ ради торжества другого? Во имя равенства онъ громилъ собственность и желалъ ее уничтожить—если бы зналъ, чѣмъ ее замѣнить; во имя свободы онъ велъ горячую борьбу съ соціалистами и готовъ былъ предпочесть современный строй со всѣми его несправедливостями перспективѣ коммунистическаго государства, гдѣ всѣ граждане—рабы одного великаго цѣлаго. Ни дѣйствительность, ни соціальныя утопіи его не удовлетворяли. Уже въ первомъ своемъ экономическомъ сочиненіи онъ бросилъ перчатку обѣимъ партіямъ и не покидалъ занятаго имъ положенія до конца своей жизни. Вся его послѣдующая литературная дѣятельность представляетъ изъ себя безуспѣшную попытку примирить идеалы свободы и равенства; но врожденный недостатокъ фантазіи помѣшалъ ему создать свою собственную систему и положить основаніе новому направленію въ экономической наукѣ.

Въ своемъ философскомъ сочиненіи «О созданіи порядка въ человѣческомъ обществѣ» Прудонъ стремится доказать необходимость равенства, какъ основнаго принципа человѣческаго общежитія. Всѣ явленія природы находятся во взаимодѣйствіи другъ съ другомъ и могутъ быть разсматриваемы какъ члены одного ряда. Задача науки, по мнѣнію Прудона, заключается въ томъ, чтобы устанавливать серіи, группы, къ которымъ относятся изслѣдуемыя явленія. Каждый отдѣльный членъ серіи также необходимъ въ своемъ родѣ, какъ и всякій другой. Для образованія бѣлаго цвѣта необходимо смѣшеніе всѣхъ цвѣтовъ спектра. Въ животномъ организмѣ каждый отдѣльный органъ составляетъ необходимую часть цѣлаго и нельзя сказать, чтобы животное болѣе нуждалось въ одномъ органѣ, чѣмъ въ другомъ, напримѣръ въ пищеварительной системѣ болѣе, чѣмъ въ нервной или мускульной. Точно также въ человѣческомъ обществѣ всѣ отдѣльныя профессіи равно необходимы для общаго преуспѣянія; люди различныхъ спеціальностей различаются не по размѣрамъ своихъ природныхъ способностей, а только по направленію послѣднихъ, по ихъ внѣшней формѣ. Въ каждой, самой скромной соціальной функціи отражается великое цѣлое и потому равенство всѣхъ членовъ общества составляетъ естественный постулатъ всякаго правильно организованнаго общежитія.

Задача политической экономіи заключается въ построеніи серіи экономическихъ категорій. Прудонъ сдѣлалъ попытку построить эту серію въ «Экономическихъ противорѣчіяхъ». Къ этому времени авторъ ихъ познакомился съ философіей Гегеля, до многихъ положеній котораго онъ самостоятельно додумался раньше. Подъ вліяніемъ системы Гегеля Прудонъ пришелъ къ убѣжденію, что члены серіи съ роковой необходимостью вытекаютъ одни изъ другихъ, что каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, которое примиряется слѣдующимъ членомъ серіи. Истинная соціальная наука состоитъ не въ изслѣдованіи того, что есть и что будетъ, а въ изученіи самого процесса развитія. Экономисты довольствуются настоящимъ, соціалисты мечтаютъ о будущемъ, но и тѣ и другіе неспособны понять того звена, которое органически связываетъ будущее съ настоящимъ. Чтобы понять настоящее, нужно изслѣдовать естественныя противорѣчія, лежащія въ основѣ всѣхъ экономическихъ категорій.

Понятіе цѣнности есть краеугольный камень всего зданія экономической науки. Со времени Адама Смита экономисты различали два рода цѣнности—цѣнность потребительную и мѣновую. Въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся эти двѣ различныя формы цѣнности? Увеличеніе предложенія товаровъ увеличиваетъ общую сумму ихъ полезности, но понижаетъ ихъ рыночную цѣну; уменьшеніе предложенія повышаетъ цѣну, хотя сумма ихъ полезности становится меньше. Слѣдовательно, между мѣновой и потребительной цѣнностью существуетъ внутреннее противорѣчіе. Чѣмъ меньше имѣется въ природѣ нужныхъ для насъ предметовъ, тѣмъ они дороже. Поэтому скудный урожай часто болѣе выгоденъ для земледѣльца, чѣмъ урожай хорошій; богатство производителя оказывается равносильнымъ бѣдности потребителей. А такъ какъ цѣнность есть основаніе всей экономической системы, то можно сказать, что весь современный хозяйственный строй страдаетъ кореннымъ, неизбѣжнымъ противорѣчіемъ.

Какимъ же образомъ примиряется въ дѣйствительной жизни противорѣчіе между потребительной и мѣновой цѣнностью? Это примиреніе совершается посредствомъ соотвѣтствія цѣны товаровъ съ трудомъ, затраченнымъ на ихъ производство. Но при современныхъ хозяйственныхъ условіяхъ цѣны подпадаютъ вліянію спроса и предложенія и могутъ значительно уклоняться отъ такого соотвѣтствія. Отъ колебанія цѣнъ страдаютъ производители; одни изъ нихъ разоряются, другіе обогащаются насчетъ остальныхъ. Только тогда

производители будутъ вознаграждаться по заслугамъ, когда цѣна товаровъ будетъ строго соотвѣтствовать ихъ трудовой стоимости. Но синтезъ экономическихъ противорѣчій дается не легко и общество должно много вынести и перестрадать для того, чтобы достигнуть экономической справедливости.

Экономическая эволюція начинается съ раздѣленія труда. Раздѣленіе труда даетъ человѣчеству возможность осуществить идею равенства, такъ какъ только при дифференцированіи профессій каждый можетъ безпрепятственно отдаться своимъ симпатіямъ и заниматься тѣмъ, къ чему онъ наиболѣе способенъ. Специализація труда увеличиваетъ въ громадной степени его производительность и открываетъ человѣчеству широкую дорогу къ накопленію богатства и знанія. Но съ другой стороны раздѣленіе труда порабощаетъ рабочаго, дѣлаетъ его слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ капиталиста, увеличиваетъ нищету и невѣжество низшихъ классовъ народа и представляетъ всѣ блага цивилизаціи небольшой кучкѣ избранныхъ. Новое противорѣчіе, которое разрѣшается вторымъ членомъ экономической серіи—машинами.

Безсознательное развитіе общества во всѣхъ отношеніяхъ подобно сознательной дѣятельности нашего ума. Подобно тому какъ мы выставляемъ одну за другой различныя гипотезы для того, чтобы рѣшить трудную задачу, точно также міровая мысль послѣдовательно воспроизводитъ различные соціальные институты, которые болѣе или менѣе полно разрѣшаютъ противорѣчія общественнаго строя.

Изобрѣтеніемъ машинъ промышленный геній человѣка протестуетъ противъ раздробленія и специализаціи труда. Дѣйствительно, что такое машина? Это соединеніе въ одномъ цѣломъ тѣхъ инструментовъ, которыми раньше работало нѣсколько рабочихъ. Въ этомъ смыслѣ введеніе машинъ по своимъ результатамъ прямо противоположно дѣйствіямъ раздѣленія труда. Машина должна уменьшить человѣческій трудъ, понизить цѣны продуктовъ и дѣлать ихъ болѣе доступными низшимъ классамъ населенія, давать толчекъ къ новымъ техническимъ изобрѣтеніямъ и доставлять человѣку торжество надъ грубыми силами природы. Поэтому машина есть символъ свободы и человѣческаго генія.

Но тѣмъ самымъ, что машина сокращаетъ трудъ, она уменьшаетъ спросъ на рабочія руки и выбрасываетъ рабочихъ безъ куска хлѣба изъ фабрики на мостовую. Введеніе машиннаго производства понижаетъ заработную плату, вызываетъ промышленные кризисы,

избавляетъ капиталиста отъ всякой зависимости отъ рабочаго и дѣлаетъ послѣдняго одушевленнымъ придаткомъ машины. Положеніе рабочаго становится еще тяжелѣе, чѣмъ оно было въ предшествующую эпоху, при господствѣ раздѣленія труда.

Свободная конкуренція представляетъ собою третью стадію промышленнаго развитія. Сотрудничество производителей выгодно для всего населенія, которое, благодаря ему, получаетъ дешевле и лучшаго качества всѣ нужные товары. Свобода также необходима для дѣятельности человѣка, какъ воздухъ для его дыханія; только свободный человѣкъ можетъ достигнуть великихъ результатовъ и въ матеріальной, и въ духовной области. Но, несмотря на всѣ благопріятныя послѣдствія промышленной свободы, она, также мало какъ и всѣ раньше перечисленные соціальные факторы, можетъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ рабочаго класса и приводитъ къ монополіи, къ порабощенію слабаго сильнымъ. Монополія есть естественный и необходимый результатъ свободы, награда за побѣду въ промышленной борьбѣ, лучшій стимулъ человѣческой энергіи, и тѣмъ не менѣе монополія разрушаетъ равенство и потому враждебна всякому прогрессу; она развиваетъ самые дурные инстинкты въ человѣкѣ и ведетъ къ нищетѣ и рабству.

Подобнымъ образомъ Прудонъ разбираетъ послѣдовательно всѣ экономическія категоріи, налоги, торговый балансъ, кредитъ и наконецъ собственность и коммунизмъ. Во всемъ онъ находитъ противорѣчія, все кажется ему неудовлетворительнымъ и заслуживающимъ въ одинаковой мѣрѣ порицанія и похвалы. Послѣднюю главу онъ посвящаетъ критикѣ и опроверженію ученія Мальтуса о необходимости нищеты, какъ естественнаго послѣдствія тенденціи человѣчества размножаться скорѣе, чѣмъ ростутъ его средства пропитанія. Мальтусъ утверждаетъ, что наша пища, одежда и прочіе необходимые для насъ предметы могутъ увеличиваться только въ ариѳметической прогрессіи, между тѣмъ какъ при отсутствіи препятствій размноженіе человѣчества идетъ въ прогрессіи геометрической. Прудонъ обращается съ цифрами также произвольно, какъ и Мальтусъ, и полагаетъ, что продукты человѣческаго труда ростутъ какъ квадраты числа работниковъ. Такъ напримѣръ, 4 работника ва 16 разъ больше произведутъ чѣмъ одинъ работникъ, потому что соединеніе рабочихъ позволяетъ примѣнить къ производству всевозможныя усовершенствованія, ввести раздѣленіе труда, машины, и т. д. Слѣдовательно производительныя силы человѣчества ростутъ не медленнѣе, а скорѣе его самаго.

Но какимъ же образомъ примирить указанныя экономическія противорѣчія, воспользоваться всѣмъ, что есть хорошаго въ современныхъ учрежденіяхъ и избѣжать тѣхъ несчастій, которыя они влекутъ за собой? На этотъ вопросъ Прудонъ не даетъ отвѣта въ своей книгѣ, не смотря на то, что эпиграфомъ къ ней онъ выставилъ гордое изреченіе «destruom ed aedificato» (разрушу и воздвигну), и читатель остается въ полномъ недоумѣніи, въ чемъ же Прудонъ видитъ рѣшеніе соціальнаго вопроса.

«Экономическія противорѣчія» — самое цѣнное въ научномъ отношеніи сочиненіе Прудона. Несмотря на то, что онъ совершенно произвольно распредѣляетъ свои экономическія эпохи, которыя не соотвѣтствуютъ исторической послѣдовательности, не подчинены какому либо логическому порядку и съ такимъ же успѣхомъ могли бы быть размѣщены отъ конца къ началу, его книга содержитъ въ себѣ такую удачную критику капиталистическаго строя, что большинство послѣдующихъ писателей, относившихся враждебно къ капитализму, пользовались его аргументами и развивали его мысли. Вліяніе «Экономическихъ противорѣчій» Прудона замѣтно въ сочиненіяхъ Родбертуса и Маркса, несмотря на то, что послѣдній, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ этой книги, написалъ на нее очень рѣзкую и не совсѣмъ справедливую критику въ отдѣльной брошюрѣ, озаглавленной «Нищета философіи» — перефразой заглавія Прудона «Философія нищеты». Онъ упрекалъ автора «Философіи нищеты» въ томъ, что тотъ не понялъ и не съумѣлъ воспользоваться діалектическимъ методомъ Гегеля. Этотъ упрекъ въ извѣстной степени справедливъ. На сколько мало Прудонъ понималъ и цѣнилъ философію Гегеля, можно видѣть уже изъ одного того, что впослѣдствіи онъ такъ легко отъ нея отказался. Тѣмъ не менѣе отсутствіе строго выдержаннаго метода въ «Экономическихъ противорѣчіяхъ» не лишаетъ достоинства отдѣльныя мѣткія и оригинальныя мысли, которыя въ изобиліи разсѣяны въ этомъ сочиненіи.

IV.

Февральская революція и участіе, которое принималъ въ ней Прудонъ. — Дѣятельность его въ Національномъ собраніи. — Борьба съ радикалами. — Присужденіе Прудона къ тюремному заключенію за оскорбленіе президента республики.

Іюльская монархія, была сдѣлкой между принципами абсолютизма и народовластія. Луи Филиппъ втеченіи своего 18-ти лѣтняго

царствованія долженъ былъ одновременно опасаться двухъ крайнихъ партій: партіи сторонниковъ прошлаго, законной монархіи «милости Божіей» графа Шамбора и партіи республиканцевъ, не удовлетворенныхъ тѣми ограниченными правами, которыя были предоставлены народу конституціей 30 года. Эта конституція была основана на компромиссѣ и уже по одному этому носила въ себѣ зародыши разрушенія.

Не имѣя возможности опереться ни на аристократію, ни на народъ, правительство Луи Филиппа попробовало основать свою власть на поддержкѣ третьяго сословія, буржуазіи, которой былъ антипатиченъ абсолютизмъ Бурбоновъ, но которая въ тоже время опасалась возвращенія режима 93 года съ его волненіями, терором и всеобщимъ экономическимъ замѣшательствомъ. Луи Филиппъ гарантировалъ буржуазіи миръ и порядокъ, необходимыя для экономическаго процвѣтанія страны, гарантировалъ собственность и въ тоже время предоставилъ странѣ извѣстную долю политической свободы: существовало, хотя и ограниченное высокимъ имущественнымъ цензомъ, избирательное право, и законодательная власть была раздѣлена между королемъ и палатой народныхъ представителей. Девизомъ всей внутренней политики Луи Филиппа была знаменитая фраза его перваго министра: «Обогащайтесь!» И Франція обогащалась, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала бѣдность низшихъ классовъ и развивался пролетаріатъ.

Революція 24 февраля 48 года, въ нѣсколько дней уничтожившая Іюльскую монархію, была произведена парижскими рабочими. Движеніе началось требованіемъ избирателей реформы и распущенія палаты представителей, не выражавшей истинною настроенія страны и служившей опорой правительству. Во главѣ движенія стояла буржуазная оппозиція, требовавшая реформъ, но сохранившая преданность Орлеанской династіи и опасавшаяся революціи. Республиканцы, располагавшіе значительными силами среди парижскаго рабочаго населенія, были неорганизованы и не ожидали такой быстрой развязки царствованія Луи Филиппа. Переворотъ совершился внезапно. Очевидно Іюльская монархія не имѣла корней въ народѣ и достаточно было небольшаго толчка, чтобы зданіе, казавшееся такимъ прочнымъ, развалилось.

Мы говорили выше о томъ умственномъ движеніи, которое происходило во Франціи въ 40-хъ годахъ. Подъ вліяніемъ обострившагося антагонизма буржуазіи и рабочаго класса выдвинулись на первый

планъ новыя общественныя задачи. Рабочій вопросъ, угрожающій опасностью всей тысячелѣтней европейской культурѣ, поглотилъ всѣ другіе вопросы. Появилось новое ученіе—соціализмъ, который со времени Іюльской революціи и открытаго торжества буржуазіи сталъ пріобрѣтать все больше и больше значенія.

Правительство Луи Филиппа относилось довольно терпимо къ соціализму въ его различныхъ оттѣнкахъ, такъ какъ не видѣло прямой опасности для себя отъ пропаганды идей братства, любви и мирнаго прогресса, которыя были девизомъ большинства соціалистическихъ изданій. Между тѣмъ, въ дѣйствительности развитіе соціализма въ значительной степени содѣйствовало февральской революціи и паденію трона Луи Филиппа. Рабочая масса не отличалась такимъ терпѣніемъ и осторожностью, какъ нѣкоторые ея вожди и не побоялась прибѣгнуть къ силѣ, когда почувствовала возможность успѣха.

Прудонъ занималъ совершенно особенное положеніе среди соціалистической партіи. По всѣмъ своимъ основнымъ взглядамъ онъ коренньмъ образомъ расходился съ соціалистами и скорѣе примыкалъ къ ихъ противникамъ, экономистамъ буржуазной школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своемъ послѣднемъ сочиненіи «Экономическія противорѣчія» Прудонъ подвергнулъ соціализмъ и коммунизмъ такой рѣзкой критикѣ, что не могло, казалось бы, возникнуть никакого сомнѣнія, къ какой партіи слѣдуетъ его причислить. Въ письмахъ своихъ онъ называетъ мечтанія Фурье, Кабе и др. — «проклятой ложью». Между тѣмъ общественное мнѣніе ставило Прудона въ ряды соціалистовъ. Мы говорили выше о причинахъ этого недоразумѣнія. Самъ онъ до Февральской революціи считалъ себя болѣе близкимъ къ экономистамъ школы Смита и Сея, чѣмъ къ какой-либо соціалистической школѣ: между первыми у него были пріятели, напр. Бланки и Жозефъ Гарнье, между тѣмъ какъ къ послѣднимъ онъ относился за малыми исключеніями съ большой непріязнью и даже враждой.

Политическія убѣжденія Прудона сложились довольно рано. Молодымъ человѣкомъ лѣтъ 25 онъ также относится къ общественнымъ вопросамъ, какъ онъ относился къ нимъ и послѣ февральской революціи. Онъ называетъ себя республиканцемъ, но противникомъ республиканскаго деспотизма Робеспьера и его подражателей. Онъ надѣется, что республика явится естественнымъ слѣдствіемъ соціальной эволюціи Франціи, но не считаетъ возможнымъ достигнуть чего либо путемъ насилія и революціи. Время революцій прошло, по его мнѣнію, навсегда.

Въ сущности, Прудонъ довольно безразлично относился къ вопросу о формѣ правленія, считая, что народное благополучіе въ гораздо большей степени зависитъ отъ экономической организаціи общества, чѣмъ отъ того, имѣетъ ли оно одного или многихъ повелителей. Поэтому Прудонъ легко склонялся къ мысли вступить въ сношенія съ правительствомъ и много разъ добивался его поддержки, не видя въ этомъ ничего противнаго своимъ принципамъ и убѣжденіямъ; ему всегда казалось, что враждебное отношеніе власти къ его дѣятельности основано на одномъ недоразумѣніи, такъ какъ онъ былъ врагомъ насильственныхъ переворотовъ и уже тѣмъ самымъ сторонникомъ господствующаго режима. Въ этомъ отношеніи онъ походилъ на многихъ соціалистовъ той эпохи, которые, какъ напр. Овенъ, Фурье и др., не теряли надежды пріобщить правительство къ своимъ планамъ и съ его помощью приступить къ коренной реформѣ экономическаго строя...

Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій Прудонъ говоритъ про себя, что врядъ ли кому другому удавалось такъ сильно взволновать совѣсть своихъ современниковъ. Это, до извѣстной степени, справедливо. Онъ именно волновалъ совѣсть, возбуждалъ сомнѣнія и вопросы, но не давалъ на нихъ отвѣта. До Февральской революціи у него не было знамени, вокругъ котораго онъ могъ бы сгруппировать своихъ сторонниковъ. Поэтому, несмотря на свою популярность среди низшихъ классовъ народа, онъ не имѣлъ своей партіи и не могъ пользоваться тѣмъ общественнымъ вліяніемъ, какого достигали люди менѣе даровитые и энергичные.

Въ такомъ положеніи застала Прудона Февральская революція. Онъ ея не предвидѣлъ и не желалъ. Онъ пишетъ своимъ друзьямъ, что нужно примириться съ совершившимся фактомъ, но что Франція могла бы успѣшно развиваться и при прежнемъ правительствѣ и достигнуть такихъ же результатовъ съ меньшими жертвами. Тѣмъ не менѣе, и его увлекла революціонная горячка и онъ тоже принималъ нѣкоторое участіе въ борьбѣ народа...

Временное правительство, организованное возставшимъ и побѣдоносным народомъ, состояло изъ трехъ партій: умѣренныхъ республиканцевъ, предлагавшихъ отложить провозглашеніе новой формы правленія до созванія Національнаго собранія, крайнихъ республиканцевъ, стремившихся воскресить традиціи якобинства и 93 года, и небольшой группы соціалистовъ, представленной только двумя лицами— Луи Блапомъ и рабочимъ Альберомъ. При такомъ

составѣ новое правительство не могло проявить энергіи и послѣдовательности въ своихъ дѣйствіяхъ. Большая часть его членовъ враждебно относилась къ соціализму; но такъ какъ новый порядокъ былъ созданъ парижскими рабочими, то и пришлось прибѣгнуть къ какимъ либо мѣрамъ, способнымъ до извѣстной степени удовлетворить интересамъ рабочаго класса. Подъ вліяніемъ Луи Блана правительство торжественно признало право на трудъ естественнымъ правомъ каждаго человѣка и учредило комиссію, помѣщавшуюся въ Люксамбургскомъ дворцѣ, для изслѣдованія рабочаго вопроса. Комиссія эта подъ личнымъ предсѣдательствомъ Луи Блана образовала изъ себя нѣчто вродѣ рабочаго парламента. Вмѣстѣ съ тѣмъ декретомъ временнаго правительства были организованы національныя мастерскія, которыя дали занятіе массѣ парижскихъ рабочихъ, оставшихся безъ заработка вслѣдствіе наступившаго общаго экономическаго застоя.

Прудонъ не могъ сочувственно относиться къ временному правительству, составленному изъ тѣхъ самыхъ людей, съ которыми онъ воевалъ всю свою жизнь. По его мнѣнію, кучка журналистовъ и писателей, смѣнившая министерство Луи Филиппа, въ нѣсколько недѣль надѣлала столько промаховъ и ошибокъ, что поправлять ихъ придется годами. Онъ былъ противникомъ революціи, но ужъ если революція произошла, то нужно было съумѣть ею воспользоваться и сдѣлать все возможное для блага народа; вмѣсто этого, временное правительство забавлялось красивыми фразами, не думая объ ихъ послѣдствіяхъ. По мнѣнію Прудона, признаніе права на трудъ не могло гарантировать народу заработка, если не будетъ измѣнена вся экономическая организація общества: и занятія Люксамбургской комиссіи вели только къ тому, что возбуждали въ рабочихъ различныя надежды, которыя правительство не въ силахъ будетъ осуществить. Самъ Прудонъ еще не окончилъ къ этому времени своей послѣдней брошюры, въ которой намѣревался доказать возможность преобразованія общественнаго строя, удовлетворяющаго интересамъ всѣхъ классовъ общества. Онъ поспѣшно работалъ надъ своей книгой и черезъ мѣсяцъ послѣ паденія Луи Филиппа выпустилъ ее въ свѣтъ подъ многообѣщающимъ заглавіемъ: «Рѣшеніе соціальнаго вопроса».

Прудонъ уже нѣсколько лѣтъ мечталъ принять болѣе активное участіе въ общественной жизни страны и перенести пропаганду своихъ идей изъ ученыхъ круговъ въ большую публику, въ среду рабочихъ и мелкой буржуазіи.

Еще при Луи Филиппѣ онъ задумалъ издавать свой журналъ, но изданіе не могло состояться вслѣдствіе недоброжелательнаго отношенія къ нему власти. Послѣ Февральской революціи обстоятельства измѣнились. Прудонъ почувствовалъ свою силу и не могъ и не хотѣлъ оставаться скромнымъ зрителемъ совершающихся событій.

Въ своей новой брошюрѣ онъ торжественно возвѣстилъ міру, что ему удалось найдти рѣшеніе задачи, которая волновала всю Францію и привела ее къ революціи. Онъ открылъ средство обезпечить трудъ, гарантировать ему достаточное вознагражденіе, не нарушая интересовъ собственниковъ и имущаго класса. Средство это заключается въ организаціи дароваго, безпроцентнаго кредита. Временное правительство не съумѣло понять значенія переворота, совершившагося 24 февраля и вмѣсто примиренія буржуазіи и народа возбудило между ними вражду и ненависть. Для преобразованія современнаго экономическаго строя достаточно устроить мѣновой банкъ, при помощи котораго всѣ производители Франціи могли бы безъ посредства денегъ обмѣнивать свои продукты. Билеты этого банка замѣнятъ въ обращеніи деньги и гибельная власть золота окончится навсегда.

Таково было, придуманное Прудономъ, универсальное лекарство отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдствій. Неудивительно, что временное правительство не обратило вниманія на его проектъ и даже на подвергло его обсужденію въ Люксамбургской коммиссіи. Оно было занято другими, болѣе важными дѣлами и главнымъ образомъ подготовленіемъ выборовъ въ Національное собраніе, которые состоялись 12 февраля. Отъ этихъ выборовъ зависѣло все дальнѣйшее направленіе революціи. Нужно было узнать, какъ относилась къ совершившемуся перевороту вся страна, провинціальные города и крестьянство, которое вездѣ, а во Франціи болѣе чѣмъ гдѣ либо, отличается по своему характеру отъ городскаго населенія. Радикальная партія требовала отсрочки выборовъ для того, чтобы имѣть время развить избирательную кампанію и приготовить къ выборамъ деревню. Многіе радикалы желали даже диктатуры.

Прудону всегда были антипатичны насиліе и деспотизмъ, хотя-бы во имя народнаго блага, и онъ началъ энергичную борьбу съ временнымъ правительствомъ, основавши для этой цѣли газету «Le representant du peuple». Въ горячо написанныхъ статьяхъ онъ убѣждалъ народъ не вѣрить республиканцамъ и соціалистамъ, стремящимся къ власти для того, чтобы пользоваться ею также какъ

и всѣ предшествующія правительства Франціи. Прудонъ объявлялъ себя сторонникомъ революціи, но это не мѣшаетъ ему считать врагами народнаго блага почти всѣ революціонныя партіи и бороться по своему обыкновенію сразу со всѣми, не давая пощады ни правымъ, ни лѣвымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ на страницахъ «Represantant du peuple» отстаивать свои планы реорганизаціи кредита и противопоставлялъ ихъ національнымъ мастерскимъ и другихъ экономическихъ мѣропріятіямъ временнаго правительства. Въ это время популярность его была не велика и онъ былъ забалотированъ громаднымъ большинствомъ голосовъ на общихъ выборахъ въ Національное собраніе.

Первое засѣданіе Національнаго собранія, принявшаго въ свои руки верховное управленіе страной, состоялось 4 мая 1848 года. Временное правительство должно было сложить свои полномочія и передать дѣло революціи вновь выбраннымъ представителямъ народа. Большинство депутатовъ далеко не раздѣляло взглядовъ бывшаго правительства и не сочувствовало тѣмъ идеямъ, во имя которыхъ былъ произведенъ переворотъ 24 февраля. Національное собраніе было рѣшительно враждебно соціализму и только по необходимости и по неимѣнію никакого другаго выхода мирилось съ республикой. До выработки конституціи для завѣдыванія текущими дѣлами была организована исполнительная комиссія, въ составъ которой вошли всѣ члены временнаго правительства, кромѣ Луи Блана и Альбера.

Парижскіе рабочіе, недовольные исходомъ выборовъ, попытались 15 мая силой захватить власть въ свои руки, проникли въ зданіе, гдѣ засѣдали народные представители, овладѣли трибуной и потребовали организаціи Министерства Труда. Манифестація эта имѣла своимъ единственнымъ послѣдствіемъ то, что реакція сдѣлалась еще сильнѣе и Національное собраніе сознало необходимость тѣмъ или инымъ способомъ раздѣлаться съ парижскимъ пролетаріатомъ, грозившимъ постоянной опасностью существующей власти. Чтобы покончить съ соціалистами, нужно было распустить національныя мастерскія, которыя напоминали народу о торжественныхъ обязательствахъ, принятыхъ на себя временнымъ правительствомъ, и могли во всякое время сдѣлаться кадрами революціонной арміи. Исполнительная комиссія не побоялась прибѣгнуть къ этой рѣшительной мѣрѣ и вызвала 23 іюня кровавое возстаніе доведенныхъ до отчаянія рабочихъ. Весь Парижъ покрылся баррика-

цами, защитники которыхъ поклялись «жить честнымъ трудомъ, или умереть, сражаясь» и втеченіи нѣсколькихъ дней съ отчаяннымъ мужествомъ сопротивлялись правительственнымъ войскамъ. Одно время можно было опасаться побѣды инсургентовъ, но перевѣсъ матеріальной силы оказался на сторонѣ правительства и возстаніе было подавлено...

Въ началѣ іюня состоялись дополнительные выборы въ Національное собраніе и Прудонъ былъ выбранъ 77.000 голосовъ депутатомъ города Парижа. Въ избирательномъ манифестѣ онъ подробно развивалъ свои излюбленные планы организаціи дарового кредита и требовалъ сокращенія и децентрализаціи государственной власти. Манифестъ былъ написанъ довольно сухо и туманно, не указывалъ никакой опредѣленной программы дѣйствій и не могъ расположить избирателей въ пользу кандидата. Успѣхъ послѣдняго объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что парижане хотѣли протестовать своимъ выборомъ противъ реакціонной политики новаго правительства, открыто ставшаго на сторону буржуазіи и относившагося враждебно ко всякимъ экономическимъ реформамъ.

Въ Національномъ собраніи Прудонъ не пользовался почти никакимъ вліяніемъ: онъ не примкнулъ ни къ какой политической партіи и принималъ мало участія въ парламентской борьбѣ. Во время іюньскаго возстанія онъ стоялъ на сторонѣ правительства, хотя и не одобрялъ его рѣшительныхъ мѣръ и крутой расправы съ инсургентами. Между тѣмъ обстоятельства складывались такъ, что онъ могъ разсчитывать на видную общественную роль. Послѣ іюньскаго разгрома соціалистическая партія потеряла почти всѣхъ своихъ вождей, которые частью бѣжали изъ Франціи, частью были осуждены и лишены свободы. Соціалистическія идеи пользовались среди рабочихъ такимъ-же сочувствіемъ, какъ и раньше, но некому было поднять знамени соціализма и приступить вновь къ организаціи разбитой и разсѣянной партіи. Прудонъ остался вѣренъ себѣ и не поддался искушенію занять мѣсто Луи Блана, но силою вещей ему пришлось все болѣе и болѣе отождествлять свое дѣло съ дѣломъ соціализма. До февральской революціи онъ не могъ выставить никакого опредѣленнаго плана общественной реформы; теперь у него было свое собственное рѣшеніе соціальнаго вопроса—даровой кредитъ. Вражда къ деньгамъ и проценту на капиталъ сближала его съ крайними реформаторами эпохи и мало по малу онъ сталъ считать себя представителемъ соціализма.

11 іюня Прудонъ внесъ въ Національное собраніе предложеніе коренной реформы дѣйствующей системы налоговъ. Всѣ платящіе въ какой-бы то ни было формѣ капитальную ренту должники, арендаторы, наемщики и т. д. должны ежегодно вносить государству шестую часть своего платежа, а одну шестую удерживать въ свою собственную пользу. Всѣ другіе доходы должны быть обложены временнымъ подоходнымъ налогомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Прудонъ требовалъ организаціи кредита, согласно выработанному имъ плану.

Это предложеніе было передано для обсужденія финансовой коммиссіи и отвергнуто ею. 31 іюня Прудонъ произнесъ въ палатѣ горячую рѣчь въ защиту предложенной имъ экономической реформы, громилъ имущіе классы и буржуазію за равнодушіе къ народному благу, проклиналъ собственность и весь современный общественный строй, основанный на невѣжествѣ и рабствѣ. Національное собраніе было до крайней степени возмущено его рѣчью: оратора безпрестанно прерывали, не давали ему говорить; раздавались возгласы: «вы—второй Маратъ», «вы — сообщникъ инсургентовъ», «въ Шарантонъ его!» и т. д. Большинствомъ 691 голосовъ противъ 2 былъ вотированъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ, заключавшій въ себѣ порицаніе оратора.

Съ этого времени Прудонъ сдѣлался настоящей знаменитостью, а его имя стало предметомъ ужаса и отвращенія для всѣхъ сторонниковъ реакціи. Онъ получалъ массу оскорбительныхъ и угрожающихъ писемъ, его осмѣивали въ газетахъ и иллюстрированныхъ изданіяхъ, писали на него пасквили и даже сочиняли для его вящаго посрамленія цѣлыя театральныя пьесы. Въ одной клерикальной книжкѣ серьезно высказывалось опасеніе, не одержимъ-ли онъ бѣсомъ. Ни одинъ смертный, по мнѣнію составителя книжки, не погрѣшалъ столько противъ человѣчества, какъ Прудонъ. Въ Національное собраніе въ изобиліи поступали петиціи объ исключеніи изъ числа народныхъ представителей такого недостойнаго члена.

Весь этотъ шумъ, безъ всякаго сомнѣнія, не мало содѣйствовалъ увеличенію его значенія, какъ общественнаго дѣятеля. Хотя онъ не могъ разсчитывать на какой-либо успѣхъ въ палатѣ, за то въ народной массѣ имя его дѣлалось все болѣе и болѣе популярнымъ. Его новая газета «Le peuple», смѣнившая пріостановленный правительствомъ «Representant du peuple», расходилась въ 70.000 экземпляровъ; газета могла-бы давать ему большіе доходы, но онъ довольствовался скромной платой 50 руб. въ мѣсяцъ за

свои редакторскіе труды. Это было единственнымъ временемъ въ его жизни, когда онъ пользовался обезпеченнымъ матеріальнымъ положеніемъ и могъ-бы достигнуть богатства. Въ качествѣ депутата онъ получалъ 8 руб. въ день, но, какъ и другіе народные представители крайней лѣвой, тратилъ большую часть своего депутатскаго жалованія на благотворительность и, не смотря на лживые разсказы политическихъ враговъ о его мотовствѣ и расточительности, жилъ все это время такъ же скромно, какъ и прежде.

Прудонъ горячо стоялъ за объединеніе оппозиціи подъ знаменемъ соціальныхъ реформъ, но, по своему обыкновенію, вносилъ такъ много страстности въ полемику съ отдѣльными личностями, что гораздо болѣе вредилъ дѣлу объединенія, чѣмъ оказывалъ ему содѣйствія. Въ началѣ октября у него произошло въ Національномъ собраніи столкновеніе съ однимъ молодымъ депутатомъ крайней лѣвой, Феликсомъ Піа, столкновеніе, дошедшее до рукопашной. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого между ними состоялась дуэль, окончившаяся благополучно для обоихъ

Этотъ эпизодъ не могъ улучшить отношеній между Прудономъ и крайней лѣвой. Когда парижскіе рабочіе пожелали устроить банкетъ въ честь оппозиціи, крайняя лѣвая на отрѣзъ отказалась участвовать въ этомъ банкетѣ, если на немъ будетъ присутствовать Прудонъ. Тѣмъ не менѣе банкетъ состоялся и Прудонъ произнесъ среди всеобщихъ аплодисментовъ длинную рѣчь; онъ давалъ торжественное обѣщаніе всегда оставаться вѣрнымъ завѣтамъ революціи 24 февраля, провозгласившей освобожденіе труда и требовавшей не только политическаго, но и экономическаго равенства всѣхъ гражданъ; онъ увѣщевалъ рабочихъ не терять увѣренности въ близкомъ торжествѣ ихъ дѣла, не смотря на всѣ происки реакціи и неспособность якобинцевъ понять значеніе революціи.

Между тѣмъ гроза надвигалась совсѣмъ не съ той стороны, откуда ее ждали защитники февральской революціи. Въ числѣ народныхъ представителей въ Національномъ собраніи засѣдалъ Луи Наполеонъ, племянникъ великаго императора, въ которомъ французскій народъ видѣлъ олицетвореніе воинской славы и несчастія родины. Луи Наполеонъ много разъ публично заявлялъ о своей преданности республикѣ и старался сблизиться съ вождями республиканской партіи. Онъ пожелалъ повидаться съ Прудономъ и при свиданіи завязалъ съ нимъ оживленный разговоръ о текущихъ политическихъ запросахъ, о запрещеніи нѣсколькихъ республиканскихъ

газетъ, и проч. Будущій императоръ французовъ говорилъ, какъ убѣжденный республиканецъ, и оба собесѣдника разстались повидимому вполнѣ довольные другъ другомъ.

4 ноября Національное собраніе приняло всѣми голосами противъ 12-ти выработанный особой комиссіей проэктъ новой конституціи. Во главѣ правленія долженъ былъ стоять президентъ республики, избираемый голосованіемъ всего народа и облеченный верховной исполнительной властью. Прудонъ на парламентской трибунѣ и въ печати энергично боролся противъ президентской власти и доказывалъ всю опасность этого новаго учрежденія для народной свободы. Онъ предвидѣлъ близкое наступленіе монархіи и въ день голосованія конституціи совсѣмъ воздержался отъ вотума, объявивши публично, что, по его мнѣнію, французскій народъ не нуждается ни въ какихъ конституціяхъ, весь смыслъ и значеніе которыхъ заключается въ ограниченіи воли народа. Франція существовала безъ конституціи со времени февральской революціи и можетъ также существовать и въ будущемъ. Нечего и говорить, что народные представители не были убѣждены доводами Прудона.

Изъ всѣхъ кандидатовъ въ президенты республики генералъ Каваньякъ, усмирившій іюньское возстаніе и пользовавшійся большой популярностью среди умѣренныхъ партій, имѣлъ, по общему мнѣнію, болѣе всего шансовъ быть выбраннымъ. Крайняя лѣвая выставила своимъ кандидатомъ Ледрю-Роллена, болѣе умѣренные республиканцы—Ламартина. Но всѣ они остались въ незначительномъ меньшинствѣ, и народъ большинствомъ $5^1/_2$ милліоновъ голосовъ избралъ президентомъ республики Наполеона Бонапарта.

Избирательная кампанія окончательно поссорила радикаловъ съ Прудономъ. Онъ дѣятельно агитировалъ противъ Ледрю-Роллена и не противился кандидатурѣ Каваньяка, открытаго врага соціализма. По всей вѣроятности, поведеніе Прудона въ значительной степени обусловливалось его старинной враждой къ радикальной партіи, а можетъ быть также и личнымъ раздраженіемъ, вслѣдствіе того что республиканцы не выставили его самого кандидатомъ въ президенты республики; по крайней мѣрѣ сторонники Ледрю-Роллена давали такое объясненіе его нѣсколько двусмысленному образу дѣйствій.

Успѣхъ Наполеона зависѣлъ между прочимъ оттого, что многіе соціалисты вотировали за него съ исключительной цѣлью оставить въ меньшинствѣ генерала Каваньяка. Тѣмъ не менѣе, первымъ правительственнымъ актомъ новаго президента республики было

составленіе умѣреннаго и буржуазнаго министерства съ Одилономъ Барро во главѣ. Въ царствованіе Луи Филиппа Барро принадлежалъ къ либеральной оппозиціи, и когда наступила революція, король прибѣгнулъ къ его помощи для примиренія монархіи съ возставшимъ народомъ; какъ извѣстно, въ то время эта примирительная миссія не имѣла успѣха и не помѣшала паденію монархіи. Теперь Барро опять получилъ преобладающее значеніе и сдѣлался совѣтникомъ главы государства. Это было открытымъ вызовомъ, перчаткой, брошенной Наполеономъ соціализму и революціи. Прудонъ поднялъ перчатку и началъ въ своей газетѣ ожесточенную полемику съ президентомъ, котораго онъ обвинялъ въ заговорѣ противъ республики.

Послѣ нѣсколькихъ рѣзкихъ статей въ «Peuple», Прудонъ былъ преданъ суду по обвиненію въ оскорбленіи президента и въ возбужденіи ненависти между общественными классами. Ему приходилось во второй разъ выступать на судѣ по подобному обвиненію; какъ и въ первый разъ онъ защищался искусно и энергично, но правительство Луи Бонапарта отличалось болѣе суровыми нравами, чѣмъ министры Луи Филиппа, и подсудимаго приговорили къ трехлѣтнему тюремному заключенію и денежному штрафу въ 3.000 руб.

V.

Народный банкъ Прудона.— Другія аналогичныя попытки реформы денежнаго обращенія во Франціи и Англіи.

Не смотря на отчаянную политическую борьбу, которую Прудонъ велъ въ Національномъ собраніи и въ печати, онъ не забывалъ своего излюбленнаго проэкта устройства народнаго банка. Убѣдившись въ томъ, что ему нечего разсчитывать на помощь и содѣйствіе правительства, онъ попытался осуществить свою мысль своими собственными силами и открылъ въ «Peuple» подписку для этой цѣли. Вслѣдствіе обширной популярности Прудона среди рабочихъ, акціи новаго учрежденія расходились довольно хорошо и многія рабочія и промышленныя ассоціаціи формальнымъ образомъ выражали готовность принимать въ немъ участіе. Акціи были пущены по 1 р. 50 к. для того, чтобы сдѣлать ихъ доступными по цѣнѣ для самыхъ бѣдныхъ рабочихъ. Число акціонеровъ простиралось до 12 тысячъ. Не только въ Парижѣ, но и въ провинціи идея на-

роднаго банка находила много сторонниковъ. Въ Ліонѣ, Безансонѣ, Бельфорѣ и Дижонѣ были организованы для этой цѣли спеціальные комитеты. Подобные же комитеты должны были въ скоромъ времени быть образованы въ Нанси, Марсели и Бордо.

Вообще, общественное мнѣніе относилось къ народному банку очень сочувственно. Парижская пресса раздѣлилась по отношенію къ народному банку на двѣ партіи: въ то время, какъ одни ожесточенно нападали на это учрежденіе, другіе горячо его защищали; но обѣ стороны признавали устройство такого банка крупнымъ событіемъ общественной жизни Франціи. Глава фурьеристовъ, Викторъ Консидеранъ, былъ на сторонѣ Прудона и объявилъ, что онъ будетъ принимать билеты народнаго банка въ уплату при подпискѣ на его газету «Democratie pacifique». Для Прудона эти нѣсколько мѣсяцевъ, прошедшіе отъ основанія народнаго банка до его окончательнаго крушенія, были, по его собственному признанію, счастливѣйшимъ временемъ его жизни. Его слава и политическое значеніе достигли до своего апогея. Онъ надѣялся осуществить на опытѣ свои мечты о соціальной реформѣ и доставить торжество своимъ излюбленнымъ принципамъ.

Приглашая читателей своей газеты къ подпискѣ для учрежденія народнаго банка, онъ дѣлаетъ слѣдующее заявленіе: «Я начинаю такое предпріятіе, равнаго которому не было и не будетъ въ мірѣ. Я хочу измѣнить основаніе общества, перевернуть ось цивилизаціи, сдѣлать такъ, чтобы міръ, который по волѣ Божества движется съ Запада на Востокъ, началъ двигаться по волѣ человѣка съ Востока на Западъ. Я хочу преобразовать отношенія капитала къ труду».

Подобныя заявленія могутъ показаться неискренними и разсчитанными на эффектъ; но въ дѣйствительности Прудонъ вовсе не лгалъ и не хвастался, выражая надежду перевернуть сразу весь міръ: всему этому онъ искренно вѣрилъ и до конца жизни былъ наивно убѣжденъ, что только правительство Луи Наполеона помѣшало ему перейти отъ словъ къ дѣлу и облагодѣтельствовать человѣчество.

Организація кредита и устройство народнаго банка—въ этомъ заключалось, по мысли Прудона, рѣшеніе соціальнаго вопроса. Мы описали выше критическій періодъ дѣятельности Прудона; въ 48 и 49 году онъ выступилъ въ качествѣ соціальнаго реформатора, и намъ слѣдуетъ теперь разобрать его планы соціальной реформы.

Какъ мы уже упоминали, проэктъ устройства народнаго банка былъ развиваемъ Прудономъ въ отдѣльныхъ брошюрахъ, и на

страницахъ его газеты. Его газетныя статьи были изданы Дарпмономъ отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ: «Итоги соціальнаго вопроса. Мѣновой банкъ». Эта книга содержитъ въ себѣ подробное описаніе проэктируемаго кредитнаго учрежденія.

Чтобы выяснить значеніе коренной реформы товарнаго обращенія, Прудонъ поднимаетъ старый вопросъ, что такое въ настоящее время собственность. Въ прежнее время собственность давала человѣку возможность независимо отъ всего остального міра пользоваться плодами принадлежащаго ему имущества и дѣлала его дѣйствительнымъ господиномъ вещи. Такъ было во времена римской имперіи и въ средніе вѣка, когда въ Европѣ господствовалъ феодализмъ и преобладающій характеръ народнаго хозяйства былъ натуральный. Каждый собственникъ былъ маленькимъ центромъ въ своей области и не нуждался ни въ продажѣ своихъ продуктовъ, ни въ покупкѣ продуктовъ чужого труда. Но послѣ великихъ промышленныхъ переворотовъ послѣдняго времени народное хозяйство культурныхъ европейскихъ націй приняло храктеръ мѣновой. Собственникъ самъ по себѣ, безъ помощи своихъ согражданъ, не можетъ въ настоящее время просуществовать нѣсколько недѣль. Онъ долженъ покупать и продавать, если не желаетъ погибнуть съ голоду. Современное право собственности есть чисто наминальная привиллегія, значеніе которой зависитъ отъ общаго состоянія народнаго хозяйства, отъ характера циркуляціи товаровъ. Въ настоящее время собственность есть человѣкъ, обладающій процентными бумагами, акціями, деньгами, положенными въ банкъ, товарами, которые лежатъ въ его магазинахъ, домами и зданіями, которые онъ отдаетъ въ наемъ и въ аренду. Когда циркуляція товаровъ и денегъ совершается безпрепятственно, то право собственности доставляетъ доходы; если же народное хозяйство разстраивается и денежное и товарное обращеніе на время пріостанавливаются, тогда привиллегія собственности теряетъ свое значеніе и собственникъ становится не богаче пролетарія. Итакъ, собственность, которую считаютъ основаніемъ всѣхъ современныхъ учрежденій, есть только привиллегія въ процессѣ обращенія хозяйственныхъ предметовъ, подобно пошлинѣ, взимаемой за провозъ по каналу.

Реформируя механизмъ товарнаго обращенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ реформируемъ и право собственности со всѣми его вредными послѣдствіями для народнаго блага. Но какая сила реформируетъ въ настоящее время обращеніе товаровъ и деспотически управляетъ

ихъ движеніемъ? Эта сила—деньги. Реформа современнаго экономическаго строя должна заключаться въ уничтоженіи денегъ. Съ этой цѣлью долженъ быть устроенъ мѣновой банкъ, имѣющій слѣдующую организацію. Производители всякаго рода должны образовать промышленное общество, цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы дать возможность его членамъ обмѣнивать другъ съ другомъ производимые ими продукты безъ посредства денегъ. На мѣсто денегъ орудіемъ обращенія должны служить банковые билеты, которые обезпечиваются всѣмъ достояніемъ банка и главнымъ образомъ тѣмъ, что всѣ члены банка обязуются принимать эти билеты вмѣсто денегъ. Банкъ не беретъ на себя обязательства размѣнивать билеты на звонкую монету. Банковые билеты не могутъ быть выпущены въ излишнемъ количествѣ, потому что они выпускаются только подъ залогъ надежныхъ торговыхъ векселей. При дисконтированіи векселей, какъ и при всѣхъ прочихъ подобныхъ операціяхъ, банкъ не взимаетъ никакого процента съ должниковъ, кромѣ небольшой платы (для начала 1%) за коммиссію и для покрытія расходовъ банка. Если такой банкъ будетъ организованъ и въ немъ приметъ участіе весь французскій народъ, то, по вычисленіямъ Прудона, низшіе классы населенія сберегутъ нѣсколько милліардовъ франковъ вслѣдствіе уничтоженія денегъ и процента на капиталъ. Сверхъ того, производители найдутъ вѣрный сбытъ для своихъ продуктовъ, и промышные кризисы прекратятся.

Прудонъ попытался осуществить этотъ проэктъ съ небольшими измѣненіями, замѣнивши также названіе мѣноваго банка «Народнымъ банкомъ»; но политич. обстоятельства заставили его закрыть Народный банкъ раньше, чѣмъ новое учрежденіе приступило къ операціямъ.

31 января 1849 г. статуты новаго учрежденія были предъявлены натаріусу, а 11 февраля Народный банкъ былъ объявленъ открытымъ. 12 апрѣля Прудонъ обратился ко всѣмъ акціонерамъ банка съ заявленіемъ, что онъ не можетъ больше руководить банкомъ и принужденъ его закрыть. Причины такого внезапнаго рѣшенія заключались, по объясненію Прудона, въ слѣдующемъ: во-первыхъ, онъ лично не могъ принимать близкаго участія въ дѣлѣ, потому что былъ осужденъ на тюремное заключеніе; во-вторыхъ, общее политическое положеніе Франціи настолько ухудшилось со времени выборовъ Наполеона Бонапарта президентомъ республики, что теперь нечего и думать о соціальныхъ реформахъ — нужно бороться съ реакціей и отложить до лучшаго времени преобразованіе кридитнаго механизма въ современномъ хозяйственномъ строѣ.

Ликвидація Народнаго банка сопровождалась многими непріятностями для Прудона. Враждебныя газеты обвиняли его въ томъ, что онъ надулъ своихъ довѣрчивыхъ акціонеровъ и сознательно привелъ дѣло къ банкротству. Нечего и говорить, что эти обвиненія были совершено неосновательны и объясняются политической враждой. Со своими помощниками по устройству Народнаго банка Прудонъ тоже поссорился и обвинялъ ихъ въ предумышленной враждебности тому дѣлу, которому они служили. Тогда его бывшіе сотоварищи помѣстили въ «Democratie Pacifique» открытое письмо, въ которомъ оправдывали свой собственный образъ дѣйствій и выставляли въ довольно некрасивомъ свѣтѣ поведеніе Прудона. Такимъ образомъ закончилась его попытка реформировать капиталистическое общество, не ограничивая свободы производства и не нарушая права собственности.

Въ теоретическомъ отношеніи проэктъ Народнаго банка Прудона очень интересенъ, такъ какъ касался самыхъ основныхъ вопросовъ организаціи народнаго хозяйства и денежнаго обращенія. Въ этомъ отношеніи задача, которую долженъ былъ разрѣшить Народный банкъ, можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: гарантировать производителямъ постоянный и вѣрный сбытъ товаровъ при предположеніи полной свободы производства. Достаточно ясно поставить вопросъ, чтобы увидать, что эта задача совершенно неосуществима. Какимъ образомъ найти сбытъ такимъ товарамъ, которые почему либо не нравятся покупателямъ или произведены въ излишнемъ количествѣ противъ спроса? Чѣмъ можетъ помочь во всѣхъ этихъ случаяхъ какая бы то ни была реформа въ области товарнаго обращенія? Если требуется только милліонъ сапогъ, а ихъ произведено два милліона, то хотя бы количество денегъ у населенія удвоилось или утроилось, все равно никто не сталъ бы покупать ненужную ему пару сапогъ, которыхъ онъ надѣть не можетъ. Не нужно забывать, что недостаточно продать товаръ покупателю;—нужно продать его по той цѣнѣ, которая покрыла бы издержки производства. Если производители не могутъ приспособиться къ новымъ условіямъ производства, напримѣръ если кустари или ремесленники принуждены конкурировать съ фабриками, которыя благодаря машинамъ и разнаго рода техническимъ усовершенствованіямъ могутъ производить такого же или лучшаго качества товары по пониженной цѣнѣ, то развѣ облегченіе условій сбыта можетъ помочь такимъ производителямъ, страдающимъ отъ непосильной конкуренціи? Кризисы и всѣ

прочія, вредныя для народнаго хозяйства, явленія капиталистическаго строя вытекаютъ не изъ недостатка орудій обращенія, а составляютъ естественныя и необходимыя послѣдствія промышленной свободы, при которой каждый производитель полагается на свой собственный разсчетъ, не принимая въ соображеніе другихъ производителей. Для того, чтобы всѣ товары находили себѣ сбытъ, нужно одно изъ двухъ—или чтобы товары дѣлались на заказъ, т. е. чтобы мы вернулись къ ремесленному производству, къ мелкой промышленности, однимъ словомъ—къ тому общественному строю, который господствовалъ въ средніе вѣка; или же необходима организація производства, т. е. стѣсненіе свободы производителей, подчиненіе ихъ всѣхъ какому либо регулирующему общественному механизму. Прудонъ одинаково несочувственно относится и къ тому и къ другому выходу изъ этой дилеммы; но его попытка реформировать производство посредствомъ реформы денежнаго обращенія доказываетъ только, что онъ не понималъ истиннаго значенія денегъ въ современномъ строѣ и въ огромной степени преувеличивалъ роль этого фактора.

Первоначальный проэтъ мѣноваго банка Прудона въ одномъ отношеніи отличался отъ Народнаго банка въ его окончательной формѣ. Мѣновой банкъ долженъ былъ выдавать своимъ акціонерамъ банковые билеты только тогда, когда операція продажи товаровъ уже совершилась: банкъ дисконтировалъ векселя, т. е. такіе документы, которые неопровержимо доказывали, что на товаръ существуетъ спросъ. Это предохраняло банкъ отъ выдачи ссудъ подъ товары, не находящіе себѣ по какимъ либо причинамъ сбыта. Но если банкъ ограничитъ свою дѣятельность дисконтированіемъ векселей, то какую пользу онъ можетъ принести тѣмъ производителямъ, которые не могутъ найти покупателя для своихъ продуктовъ? Благонадежные векселя охотно принимаются всякимъ банкиромъ, и мѣновой банкъ не оказалъ бы большой услуги народному хозяйству, если бы онъ въ своихъ операціяхъ придерживался тѣхъ же принциповъ, какими руководствуются современныя кредитныя учрежденія. Прудонъ это замѣтилъ и нѣсколько измѣнилъ статуты Народнаго банка. Банкъ долженъ былъ выдавать ссуды также подъ залогъ непроданныхъ товаровъ. Задача банка была расширена, но вмѣстѣ съ тѣмъ она сдѣлалась невыполнимой. Если бы Народный банкъ открылъ свои операціи, то мы, безъ сомнѣнія, наблюдали бы такія же явленія, которыя привели къ крушенію другіе мѣновые банки, организованные на сходныхъ началахъ: въ банкѣ скопились бы въ изобиліи никому

не нужные товары и онъ не могъ бы съ ними раздѣлаться, въ то время какъ хорошіе товары свободно находили бы себѣ сбытъ. Пришлось бы рано или поздно ликвидировать дѣло, потому что акціонеры банка никогда не согласились бы добровольно изображать изъ себя козла отпущенія и покупать то, на что не существуетъ спроса.

Билеты Народнаго банка ни въ какомъ случаѣ не могли бы вытѣснить изъ обращенія металлическихъ денегъ, потому что они сами по себѣ были лишены всякой внутренной цѣнности, и не существовало никакой гарантіи въ томъ, что количество ихъ не будетъ превышать потребности рынка въ орудіяхъ обращенія. Облегченіе условій кредита должно было въ громадной степени увеличить спросъ на кредитъ, который могъ быть оказанъ только посредствомъ выпуска банковыхъ билетовъ. Число банковыхъ билетовъ должно было рости до тѣхъ поръ, пока переполненіе рынка новыми бумажными деньгами не вызвало бы пониженія ихъ курса и общаго промышленнаго крушенія. Таковы были бы послѣдствія устройства Народнаго банка въ томъ случаѣ, если бы публика относилась съ довѣріемъ къ новому учрежденію и оно получило бы широкое развитіе.

Можно думать, что идеи даровитаго авантюриста и прожектера Джона Лоу оказали значительное вліяніе на выработку воззрѣній Прудона. Отъ Лоу онъ заимствовалъ свои ошибочныя представленія о всемогущемъ дѣйствіи кредита. Хотя Прудонъ и не одобряетъ практической дѣятельности Лоу,—выпуска въ громадномъ количествѣ государственныхъ бумажныхъ денегъ, не обезпеченныхъ въ достаточной степени металлическимъ фондомъ, образованія дутыхъ акціонерныхъ компаній, биржевой спекуляціи и проч.,—тѣмъ не менѣе, къ его теоретическимъ воззрѣніямъ онъ относится съ большимъ уваженіемъ. Онъ говоритъ въ «Экономическихъ противорѣчіяхъ», что до сихъ поръ еще никто не понялъ идеи Лоу, не исключая и ихъ творца, и что слѣдуетъ попытаться осуществить ихъ на дѣлѣ.

Но какое бы значеніе мы не придавали Народному банку Прудона, во всякомъ случаѣ проэктируемая имъ кредитная реформа не могла бы существеннымъ образомъ повліять на отношенія предпринимателя къ рабочему, т. е. на тотъ самый пунктъ, въ которомъ заключается вся сущность рабочаго вопроса. Уничтоженіе ссуднаго процента было бы очень выгодно для предпринимателей, которые-бы увеличили свою прибыль на счетъ доходовъ рантьеровъ, но мы не видимъ, почему отъ этого должно было улучшиться положеніе рабочихъ. Отдѣльные рабочіе не могли бы получить ссуды изъ На-

роднаго банка, ибо задачей послѣдняго была реформа производительнаго кредита и онъ не могъ заниматься мелкими и ничѣмъ не обезпеченными ссудами для потребительныхъ цѣлей. Рабочія ассоціаціи могли разсчитывать на кредитъ въ Народномъ банкѣ, но въ настоящее время нельзя ожидать большого успѣха отъ производительныхъ ассоціацій, такъ какъ имъ приходится существовать при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, конкурировать съ капиталистическими предпріятіями и подвергаться разрушающему вліянію чуждаго имъ по своимъ принципамъ общественнаго строя. Поэтому успѣхъ Народнаго банка вовсе не былъ бы равносиленъ коренной реформѣ всей существующей экономической организаціи. Все осталось бы по старому и пострадали бы только праздные рантьеры. Попытка Прудона перевернуть ось цивилизаціи была не менѣе утопична, чѣмъ фаланстеры Фурье, гдѣ страсти содѣйствуютъ общему преуспѣянію, или чѣмъ идеальное государство Ог. Конта, въ которомъ верховная власть раздѣлена между учеными и банкирами.

Народный банкъ Прудона былъ далеко не единственной попыткой сокрушить власть золота и организовать бездепежный обмѣнъ товаровъ. Въ 30-хъ годахъ Робертъ Овенъ устроилъ въ Лондонѣ банкъ, ссужавшій производителей подъ залогъ товаровъ не деньгами, но особыми рабочими марками, которыя должны были выражать количество труда, потраченнаго на производство даннаго товара. Особые оцѣнщики опредѣляли, сколькимъ рабочимъ часамъ соотвѣтствуетъ данный товаръ. Сначала банкъ имѣлъ успѣхъ, рабочія марки охотно принимались вмѣсто денегъ и даже нѣкоторые лондонскіе театры открыли для нихъ свою кассу. Но черезъ два года банкъ былъ закрытъ, потому что кліенты его не были довольны тѣми товарами, которые банкъ предлагалъ имъ въ продажу. Курсъ рабочихъ денегъ все падалъ и поэтому банкъ перестал ихъ выпускать и ликвидировалъ свои дѣла.

За нѣсколько лѣтъ до Февральской революціи въ Марселѣ былъ закрытъ мѣновой банкъ Мацеля, который существовалъ втеченіе 16-ти лѣтъ и былъ во многихъ отношеніяхъ похожъ на народный банкъ Прудона. Послѣдняго обвиняли въ плагіатѣ, въ томъ, что онъ заимствовалъ свои идеи банковой реформы у Мацеля, не называя своего предшественника и приписывая себѣ одному честь новаго изобрѣтенія. Прудонъ утверждалъ, что онъ не былъ раньше знакомъ съ банкомъ Мацеля и впервые узналъ о немъ только тогда, когда статуты его собственнаго банка уже были обнародованы: сверхъ

того, по его мнѣнію, между обоими учрежденіями существуетъ такое глубокое различіе, что не можетъ быть рѣчи о плагіатѣ. Дѣйствительно, банкъ Мацеля не стремился довести до минимума высоту дисконтнаго процента и бралъ за свои ссуды такіе же проценты, какъ и всѣ прочія кредитныя учрежденія. Но несмотря на то, что въ этомъ отношеніи народный банкъ Прудона отличался отъ банка Мацеля, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они имѣютъ много общаго; впрочемъ изъ этого, разумѣется, нельзя заключать о плагіатѣ.

Съ банкомъ Мацеля повторилась та же исторія, какъ и съ банкомъ Роберта Овена: сначала дѣло шло хорошо, но потомъ возникли затрудненія въ сбытѣ пріобрѣтенныхъ банкомъ товаровъ и предпріятіе лопнуло. Удивительнѣе всего то, что этотъ банкъ могъ просуществовать такой продолжительный срокъ, какъ 16 лѣтъ.

Наконецъ, въ 1849 г. Боннаръ основалъ въ Марселѣ мѣновой банкъ, который тѣмъ отличался отъ банковъ Овена и Мацеля, что выдавалъ ссуды только подъ залогъ такихъ товаровъ, спросъ на которые не могъ быть подверженъ сомнѣнію. Боннаръ значительно съузилъ задачи мѣноваго банка и превратилъ его въ своего рода коммиссіонную контору, которая не спеціализировалась на какой либо отрасли товаровъ, а перепродавала всевозможные продукты; такъ напримѣръ, ремесленникъ, который не имѣлъ наличныхъ денегъ для покупки нужныхъ для его ремесла матеріаловъ, могъ обратиться въ банкъ Боннара и послѣдній выдавалъ ему эти матеріалы взамѣнъ обязательства со стороны ремесленника доставить банку продукты его собственнаго производства. Но банкъ соглашался на эту операцію только тогда, когда былъ увѣренъ, что на пріобрѣтаемые имъ товары существуетъ хорошій спросъ.

При этомъ отношеніи къ дѣлу банкъ могъ бы преуспѣвать, если бы соблюдалъ въ своихъ операціяхъ должную осмотрительность и осторожность. Никакихъ соціальныхъ преобразованій Боннаръ не замышлялъ; его банкъ преслѣдовалъ болѣе скромныя цѣли и въ началѣ достигалъ ихъ очень успѣшно. Банкъ былъ основанъ съ капиталомъ въ $2^1/_2$ тыс. руб. и оборотъ его въ первый же годъ достигалъ 250.000 р. Чистая прибыль (банкъ взималъ обычный процентъ за свои коммиссіонныя операціи) равнялась 4.325 руб.—173% со всей суммы вложеннаго капитала. Въ 1852 г. чистая прибыль уже достигала 38.000 р. Очевидно, банкъ могъ существовать блестяще, но для этого требовалась величайшая осторожность при пріемѣ товаровъ. Мало по малу, банкомъ стали приниматься такіе товары,

на которые не было вѣрнаго спроса, и банкъ, послѣ судебнаго процесса, возбужденнаго однимъ недовольнымъ клiентомъ, окончилъ свое существованiе въ 1859 г.

Изъ этого примѣра мы видимъ, при какихъ условiяхъ Народный банкъ Прудона могъ бы разсчитывать на успѣхъ. Успѣхъ былъ бы возможенъ только въ томъ случаѣ, если бы Прудонъ, вмѣсто коренной реформы всего капиталистическаго строя, задумалъ устроить комиссiонную контору на широкихъ началахъ. Такая контора была бы очень полезна и могла бы оказать производителямъ значительную помощь при сбытѣ продуктовъ; но нечего и говорить, что нельзя искать въ комиссiонныхъ конторахъ рѣшенiя соцiальнаго вопроса.

VI.

Жизнь Прудона въ тюрьмѣ.—Его женитьба.—Отношенiе къ женѣ и дѣтямъ.—Литературныя работы.—Теорiя анархизма.—Проэкты разныхъ хозяйственныхъ предпрiятiй.

Не желая сидѣть три года въ тюрьмѣ и не имѣть никакой возможности принимать участiе въ политической жизни страны, Прудонъ рѣшился бѣжать въ Бельгiю. Но ему было трудно ужиться вдали отъ Парижа; онъ привыкъ къ своей лихорадочной дѣятельности, которая доставляла ему громкую извѣстность во всемъ мiрѣ, и его влекло вернуться во Францiю и возобновить борьбу съ Наполеономъ. Онъ дѣйствительно черезъ недѣлю возвратился подъ чужимъ именемъ въ Парижъ, поселился тамъ у своего прiятеля и втеченiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ удачно скрывался отъ полицiи. Все это время Прудонъ усиленно работалъ и почти въ каждомъ номерѣ газеты «Le peuple» появлялись его статьи. По вечерамъ онъ выходилъ изъ своего убѣжища, которое не рѣшался покидать днемъ изъ боязни быть узнаннымъ, и гулялъ въ отдаленныхъ частяхъ города. Мало по малу, публицистъ-гастролеръ сдѣлался менѣе осторожнымъ, началъ показываться днемъ въ модныхъ мѣстностяхъ и даже прогуливался по бульварамъ. Полицiя его узнала и 6 iюля 1849 г. онъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму Сенъ-Пелажи.

Это было рѣшительнымъ поворотомъ въ жизни Прудона. Его политическая роль закончилась навсегда, и вся его послѣдующая жизнь представляетъ для историка меньше интереса, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ его дѣятельности въ качествѣ народнаго предста-

вителя и публициста въ 48 и 49 году. Внѣшнія обстоятельства сложились для него очень неблагопріятно. Первое время тюремнаго заключенія онъ могъ свободно писать въ своей газетѣ, но естественно, что ему было невозможно продолжать свою прежнюю борьбу съ правительствомъ; впослѣдствіи свобода его была значительно ограничена и онъ долженъ былъ почти совершенно отказаться отъ роли политическаго писателя. Когда срокъ заключенія его кончился и онъ получилъ возможность дѣлать все, что ему угодно, общественное положеніе Франціи настолько измѣнилось, что ему нечего было и думать возстановить свое упавшее вліяніе. Тревожное и неустойчивое время Февральской революціи смѣнилось правленіемъ Луи-Наполеона, умѣвшаго сурово подавлять всякую оппозицію и поддерживать въ странѣ наружный порядокъ и спокойствіе. Прудонъ на собственномъ опытѣ испыталъ, что бонапартовскій режимъ былъ мало благопріятенъ для свободной мысли и независимой дѣятельности.

Въ тюрьмѣ Прудонъ женился на простой работницѣ, съ которой онъ былъ знакомъ уже нѣсколько лѣтъ и которая заслужила его симпатію и благодарность безкорыстной преданностью ему. Съ его стороны не было и тѣни влюбленности; онъ давно рѣшилъ жениться по разсудку на простой и честной дѣвушкѣ, способной съ успѣхомъ заниматься хозяйствомъ и быть матерью его дѣтей. Въ болѣе молодые годы, когда можно было ожидать съ его стороны болѣе нѣжнаго отношенія къ женщинамъ, онъ былъ также мало, какъ и въ сорокъ лѣтъ, способенъ къ любви. Въ 1843 году Прудонъ пишетъ Аккерману слѣдующее письмо: «Постье приготовилъ для меня хорошенькую крестьянку изъ Нейли на Марнѣ. Онъ предполагаетъ, что по части женщинъ все, что нужно для философа—это крестьянка. Конечно, я не имѣю претензіи на этотъ титулъ, но посмотрю на выборъ, и если мнѣ суждено жениться, я съ философскимъ спокойствіемъ покорюсь моей участи. Но меня безпокоитъ то, что вы, мой другъ, влюблены и боготворите свою жену, какъ какой-нибудь jeune-premier. Подумайте, что вы будете въ состояніи ей дать черезъ 10 лѣтъ, черезъ 3 мѣсяца, черезъ 6 недѣль?.. Неужели вы думаете, что честность, прямота, любовь къ труду и благородство могутъ заставить ее позабыть разные мелкіе недостатки, которыхъ мы, мужчины, и не замѣчаемъ другъ въ другѣ?»

Для Прудона женщины были низшимъ существомъ, созданнымъ для пользы и удовольствія мужчины. Не будучи отъ природы страст-

нымъ и никогда не любивши, онъ глубоко презиралъ всю поэзію любви и считалъ любовныя увлеченія недостойными сильнаго и умнаго мужчины. Сентъ-Бёвъ разсказываетъ, что еще въ ранней молодости онъ умѣлъ укрощать свои чувственныя побужденія при помощи слѣдующаго романтическаго средства: онъ вылѣзалъ ночью на крышу своего дома и смотрѣлъ на темное небо, усѣянное звѣздами. Зрѣлище величавой и безконечной природы охлаждало его пылъ и къ нему снова возвращалось самообладаніе. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ не нуждался въ созерцаніи звѣзднаго неба для того, чтобы устоять противъ женскаго очарованія, и велъ жизнь почти аскетическую.

Его бракъ можетъ быть названъ до извѣстной степени счастливымъ, такъ какъ онъ нашелъ въ своей женѣ то, чего искалъ—хозяйку и мать. Что была за личность его жена—сказать довольно трудно; повидимому, она была совсѣмъ мало образована и не принимала никакого участія въ интеллектуальной жизни своего мужа. Для послѣдняго она мало значила сама по себѣ; онъ умѣлъ быть хорошимъ другомъ, любящимъ сыномъ и нѣжнымъ отцомъ, но къ своей женѣ относился чрезвычайно холодно и даже жестоко. Когда она заболѣла и можно было опасаться ея смерти, Прудонъ боялся только того, что его домъ останется безъ хозяйки, а дѣти безъ матери. Онъ пишетъ своему пріятелю письмо, полное тревоги за будущее и ни однимъ словомъ не выражаетъ сожалѣнія о женѣ. Очевидно, жена не была ему близкимъ человѣкомъ и потеря ея не столько огорчала, сколько безпокоила его.

Совсѣмъ иначе Прудонъ относился къ дѣтямъ. Онъ ихъ любилъ съ такой искренностью, которую трудно было заподозрить въ этомъ суровомъ и раздражительномъ человѣкѣ. По его собственному признанію, дѣти заполняли пустоту въ его существованіи. Онъ любитъ въ письмахъ разсказывать разные эпизоды изъ ихъ жизни, описываетъ ихъ наружность, привычки и, видимо, самъ живетъ ихъ жизнью. У него было четыре дочери, изъ которыхъ двѣ умерли въ раннемъ возрастѣ. Старшая Катерина, названная такъ въ честь его матери, родилась въ то время, когда онъ былъ въ тюрьмѣ. Въ 54 году, во время его собственной болѣзни, умерла его маленькая дочь, которой не было еще году; чтобы не разстраивать больного отца, отъ него это скрывали втеченіи недѣли. Когда же Прудонъ узналъ, что его дочери нѣтъ въ живыхъ, то былъ глубоко потрясенъ этимъ извѣстіемъ и писалъ друзьямъ, что онъ буквально задыхается отъ горя.

Въ своихъ взглядахъ на задачи воспитанія и на обязанности

отца Прудонъ оставался вполнѣ послѣдовательнымъ и вѣрнымъ самому себѣ. Онъ не заботился объ образованіи своихъ дочерей: онѣ должны привыкнуть къ труду, помогать матери для того, чтобы быть истинными работницами, когда выростутъ. Другой участи знаменитый публицистъ не желалъ для своихъ дѣтей. Въ одномъ письмѣ онъ такъ описываетъ свою старшую дочь Катерину, которая была его гордостью: «Катя исполняетъ всѣ порученія, ходитъ въ лавку и носитъ письма на почту. Дома она ухаживаетъ за сестрой, накрываетъ на столъ, собираетъ и моетъ посуду, катаетъ бѣлье и натираетъ полъ. У нея много талантовъ! Правда, она едва умѣетъ читать и писать и совсѣмъ не знакома съ ариѳметикой; но это ничего—я изъ нея не думаю сдѣлать синяго чулка».

Внѣшнія условія жизни въ тюрьмѣ не были особенно тяжелы для Прудона. Онъ привыкъ ко всякимъ лишеніямъ, и тюремная камера казалась ему болѣе удобнымъ помѣщеніемъ, чѣмъ его прежняя квартира. Противъ зданія тюрьмы жила его жена съ дочерью; они могли во всякое время дня свободно видѣться другъ съ другомъ изъ окна. Первое время заключенія, вслѣдствіе благопріятнаго отношенія къ Прудону префекта полиціи, онъ пользовался значительной свободой и могъ подъ честнымъ словомъ на цѣлый день уходить изъ тюрьмы. Тѣмъ не менѣе, невозможность вести прежнюю жизнь и принимать участіе въ политической борьбѣ угнетала Прудона и приводила его иногда въ мрачное расположеніе духа; въ такія минуты онъ проклиналъ свою полемику, которая дала возможность правительству такъ ловко отъ него отдѣлаться.

Онъ продолжалъ съ прежнимъ интересомъ слѣдить за политическими событіями, которыя давали блестящее доказательство справедливости опасеній Прудона. Наполеонъ видимымъ образомъ замышлялъ нарушить присягу конституціи и сдѣлаться изъ президента французской республики императоромъ французовъ. Но нужно замѣтить не къ чести Прудона, что въ тюрьмѣ онъ не относился къ Наполеону съ такой же рѣшительной враждой, съ которой онъ относился къ нему на свободѣ. Тюремное заключеніе въ значительной степени охладило его пылъ; его революціонная горячка прошла окончательно, и мы лишь видимъ Прудона такимъ, какимъ онъ былъ до 1848 года. Онъ называетъ себя человѣкомъ полемики, а не баррикадъ, и выражаетъ увѣренность, что можетъ достигнуть своихъ цѣлей, обѣдая каждый день съ префектомъ полиціи. По своему неисправимому оптимизму онъ иногда мечтаетъ сдѣлать

Наполеона своимъ орудіемъ и съ его помощью организовать народный банкъ. Сообщая объ этомъ своимъ друзьямъ, Прудонъ заранѣе торжествуетъ побѣду; онъ собирается послать правительству всѣ статуты новаго учрежденія съ пояснительной запиской отъ себя лично и надѣется достигнуть того, что президентъ республики сдѣлается главнымъ акціонеромъ народнаго банка. Нечего и говорить, что его надежды оказались основанными на иллюзіяхъ.

Вскорѣ послѣ заключенія Прудона въ тюрьму, его газета «Le peuple» была пріостановлена, но его друзьямъ удалось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ основать новый органъ: «Le voix du Peuple» съ прежней редакціей и съ прежнимъ составомъ сотрудниковъ. Въ первомъ же номерѣ было помѣщено открытое письмо Прудона, въ которомъ онъ заявляетъ, что время борьбы прошло и настало время разсужденій; онъ призываетъ республиканскія партіи къ примиренію и предостерегаетъ редакцію отъ политики лести и предвзятой вражды правительству.

Прудонъ имѣлъ право изъ своего заключенія писать въ газетахъ и онъ дѣятельно пользовался этимъ правомъ. Онъ принимаетъ живое участіе въ редакціонныхъ хлопотахъ «Le voix du Peuple», даетъ руководящія мысли сотрудникамъ, указываетъ на недостатки вчерашняго номера и вообще выноситъ все дѣло на своихъ собственныхъ плечахъ. Ему часто приходилось отечески журить Даримона и Эдмонда, молодыхъ людей, завѣдывавшихъ редакціей газеты; такъ напр. 24 февраля 1850 года онъ пишетъ имъ изъ Сентъ-Пелажи: «Друзья мои, вы дѣти или автоматы. Когда я даю вамъ нѣсколько мыслей, вы выбрасываете ихъ на страницы газеты, какъ кулекъ крапивы. Я вамъ говорю, что власть ведетъ невѣрную политику, и вы начинаете одни во всей прессѣ кричать: «измѣна!» Этимъ вы накликаете на себя безъ всякой пользы и безъ всякой цѣли нескончаемые процессы. Вы говорите, что слѣдуете моимъ внушеніямъ; органная труба слѣдовала-бы имъ столь же искусно. Вы должны быть нѣсколько понятливѣй и загладить свое безразсудство».

Почти въ каждомъ номерѣ «Voix du Peuple» появлялись подписанныя и неподписанныя статьи Прудона. Не смотря на умѣренный тонъ этихъ статей, правительство было недовольно ими и нѣсколько разъ возбуждало противъ опаснаго публициста судебное преслѣдованіе, но судъ не признавалъ его виновнымъ. Въ концѣ концовъ, при помощи угрозъ и дисциплинарныхъ наказаній, правительство добилось того, что Прудонъ почти совсѣмъ пересталъ работать въ

газетахъ. Весь этотъ эпизодъ довольно любопытенъ, такъ какъ онъ рельефно характеризуетъ Прудона, какъ общественнаго дѣятеля.

Въ наказаніе за одну статью въ «La voix du Peuple», Прудона лишили права свиданія со всѣми, кромѣ жены, и запретили ему выходить изъ тюрьмы. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, онъ написалъ префекту полиціи униженное просительное письмо, изъ котораго мы приведемъ нѣкоторыя выдержки. Онъ пишетъ: «Господинъ Префектъ, благосклонное вниманіе, которое вы мнѣ оказывали столько разъ, даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ съ этимъ письмомъ, которое вы можете разсматривать какъ чисто личное... Я васъ умоляю, господинъ Префектъ, разрѣшить мнѣ вновь свиданья съ мыслителями и ради этого я рѣшаюсь, сколько это ни стоитъ моему самолюбію, дать торжественное обѣщаніе не помѣщать ни въ какомъ періодическомъ изданіи ничего, касающагося политики и правительственныхъ дѣйствій. Согласно вашему желанію, я рѣшительно заканчиваю свою роль публициста. Отнынѣ мое единственное желаніе — заниматься научными вопросами съ самой общей точки зрѣнія, исключающей всякія соображенія буржуазіи или пролетаріата. Я надѣюсь, что это обѣщаніе сдѣлаетъ излишними всякія мѣры относительно моего поведенія... Я критиковалъ при всеобщихъ аплодисментахъ соціалистическія утопіи. Если довѣрять показаніямъ биржи, то я больше содѣйствовалъ возстановленію порядка и спокойствія, чѣмъ вся полиція и жандармы».

Тѣ послабленія суроваго тюремнаго режима, о которыхъ просилъ Прудонъ, были ему оказаны, но онъ нарушилъ свои обѣщанія и продолжалъ помѣщать въ своей газетѣ политическія статьи. Его препроводили въ цитадель въ Дулленѣ и вновь запретили ему свиданья. Онъ опять упалъ духомъ, писалъ отчаянныя письма префекту полиціи и министру внутреннихъ дѣлъ, описывалъ имъ душевныя страданія, которыя испытывалъ въ одиночествѣ, и просилъ о пощадѣ. Его просьбу уважили, но съ угрозой усилить дисциплинарныя взысканія, если онъ будетъ продолжать нарушать свои обѣщанія. Прудонъ покорился и не только не рѣшился самъ полемизировать съ правительствомъ, но и прилагалъ всѣ старанія, чтобы общее направленіе «Le voix du Peuple» имѣло болѣе примирительный характеръ. Раньше онъ называлъ себя соціалистомъ, теперь же совѣтуетъ своимъ сотрудникамъ по газетѣ тщательно оттѣнить то различіе, которое существуетъ между соціализмомъ и ихъ собственнымъ направленіемъ. Онъ совѣтуетъ бросить на время

политику, отъ которой всѣ устали, и прежде всего народъ, и обратить особенное вниманіе на то, чтобы ихъ газета не выдвигалась впередъ, не брала на себя ни въ чемъ иниціативы, такъ какъ «иниціатива есть мученичество, а истина такой кинжалъ, который убиваетъ прежде всего того, кто его пускаетъ въ дѣло». Самъ онъ во избѣжаніе дальнѣйшихъ столкновеній съ полиціей, рѣшилъ передавать въ ея руки всю свою корреспонденцію съ внѣшнимъ міромъ.

Въ обыденной жизни, среди своей семьи, Прудонъ кажется гораздо симпатичнѣе, чѣмъ на трибунѣ въ Національномъ собраніи, или среди революціонной борьбы; трудно повѣрить, что одинъ и тотъ-же человѣкъ можетъ такъ бодро выносить житейскія неудачи и быть такимъ слабымъ и боязливымъ, какъ общественный дѣятель. Онъ презиралъ Наполеона и тѣмъ не менѣе писалъ униженныя письма его министрамъ и совѣтовалъ редакторамъ своей газеты ладить съ правительствомъ. Впослѣдствіи онъ поддерживалъ дѣятельныя сношенія съ принцемъ Наполеономъ, льстилъ ему и говорилъ о славѣ имени Бонапарта въ то время, какъ въ частной перепискѣ не находилъ словъ, чтобы выражать свое негодованіе противъ узурпатора и его приверженцевъ. Такая двойственность Прудона вполнѣ объясняетъ враждебное отношеніе къ нему всѣхъ партій. Радикалы его положительно ненавидѣли и считали подкупленнымъ правительствомъ. Умѣренные ему не довѣряли и подозрѣвали въ немъ тайные революціонные замыслы. Онъ могъ быть друженъ только съ людьми, стоявшими въ сторонѣ отъ текущей политической борьбы.

За время своего заключенія онъ лишился всякаго политическаго вліянія. Его газета, расходившеяся раньше въ 70 тысячахъ экземплярахъ, теперь едва могла собрать 15 тысячъ читателей и не окупала расходовъ, хотя на ея страницахъ отъ октября 49-го до марта 50 года Прудонъ велъ чрезвычайно интересную и поучительную полемику съ Бастіа, извѣстнымъ экономистомъ крайняго буржуазкаго направленія, о соціальномъ значеніи процента на капиталъ. Прудонъ самъ предложилъ Бастіа публичный споръ на эту тему, обязавшись помѣщать въ своей газетѣ всѣ возраженія противника. Споръ былъ веденъ обоими экономистами довольно искусно, но побѣда осталась скорѣе на сторонѣ Бастіа, хотя никто изъ споривщихъ не призналъ себя побѣжденнымъ. Прудонъ горячился, уклонялся въ сторону, не возражалъ прямо на доводы противника и наполнялъ цѣлыя страницы изліяніями объ испорченности человѣческаго рода, изліяніями очень краснорѣчивыми, но мало идущими къ

дѣлу. Бастіа возражалъ болѣе спокойно и логично, и потому его доводы производили на безпристрастнаго читателя болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ расплывчатая аргументація Прудона.

Заключеніе не мѣшало Прудону усиленно работать, и онъ за эти три года написалъ, помимо множества газетныхъ статей, двѣ крупныя вещи—«Признанія революціонера» и «Идея революціи XIX столѣтія». Эти сочиненія особенно интересны тѣмъ, что въ нихъ наиболѣе точно развита теорія анархизма, какъ идеальнаго общественнаго строя, къ которому человѣчество должно стремиться.

Нечего и говорить, что анархія Прудона превосходитъ по неосуществимости всѣ соціалистическія мечтанія, которыя онъ опровергаетъ столько разъ. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ онъ самъ вѣрилъ тому, что говорилъ; пристрастіе къ парадоксамъ, по всей вѣроятности, осталось не безъ вліянія на выработку его анархическихъ теорій. Если бы онъ выставлялъ анархію только какъ идеалъ, котораго человѣчество достигнетъ въ неопредѣленно отдаленномъ будущемъ, тогда было бы легче повѣрить его искренности; но онъ переносилъ свое требованіе анархіи на почву практической политики, боролся во имя анархіи съ Луи Бланомъ, котораго упрекалъ въ пристрастіи къ государственному вмѣшательству, отрицалъ въ Національномъ Собраніи необходимость республиканской конституціи, проповѣдовалъ анархію въ своихъ газетахъ, вообще поступалъ такъ, какъ будто упраздненіе государства есть дѣло близкаго будущаго. При этомъ, чтобы не раздражать правительства, онъ постоянно настаивалъ на томъ, что коренная реформа государственнаго строя должна быть достигнута мирнымъ путемъ. Правительство Луи Наполеона съ полнымъ основаніемъ не опасалось этой мирной проповѣди анархіи, полагая, что она не можетъ имѣть никакого вліянія на общество и народъ, и не препятствовало Прудону свободно развивать въ газетныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ брошюрахъ свои неосуществимые идеалы.

Не смотря на громадное политическое вліяніе, которымъ Прудонъ пользовался въ 48 году, его матеріальное положеніе не только не улучшилось, но скорѣе ухудшилось послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ превратностной судьбы. Онъ потерялъ на изданіи газетъ всѣ свои небольшія сбереженія, достигавшія нѣсколькихъ тысячъ рублей, и по выходѣ изъ тюрьмы ему предстояла трудная задача пріискать себѣ какое-либо, хотя-бы скромное, занятіе для содержанія себя и своей семьи. Онъ пишетъ Эдмонду незадолго до окон-

чанія срока тюремнаго заключенія: «я имѣю въ виду послѣ стольких химеръ приняться за свою старую службу наборщикомъ или прикащикомъ, такъ какъ литературой теперь нельзя существовать во Франціи. Я задумалъ пересоздать экономическую науку и философію; сверхъ того я занятъ всемірной исторіей. Со всѣмъ этимъ я справлюсь, ибо я привыкъ работать въ бѣдности среди всевозможныхъ матеріальныхъ неудобствъ. Первые свои труды я написалъ за типографскимъ станкомъ, набирая самъ свои сочиненія. «Экономическія противорѣчія» я написалъ за прикащичнымъ прилавкомъ въ Ліонѣ. Послѣднія мои произведенія написаны мною въ заключеніи. Свою жизнь я надѣюсь окончить также какъ и началъ. Я много трудился и въ концѣ концовъ могу гордиться тѣмъ, что былъ однимъ изъ самыхъ свободныхъ людей на свѣтѣ».

Такія письма имѣютъ въ себѣ что-то чрезвычайно трогательное: человѣкъ, который былъ однимъ изъ вождей своего народа, котораго имя было извѣстно всей Европѣ и который могъ одно время надѣяться стать во главѣ правленія своей страны, думаетъ, безъ всякой досады на неблагодарное человѣчество и безъ раздраженія на судьбу, искать мѣста прикащика, какъ самый обыкновенный мелкій буржуа! Если бы не было документальныхъ доказательствъ, трудно было бы повѣрить тому, въ какой бѣдности прожилъ Прудонъ свою жизнь. Въ Брюсселѣ, гдѣ онъ послѣ своего вторичнаго осужденія жилъ нѣсколько лѣтъ со всей семьей, состоявшей къ тому времени изъ 6 человѣкъ, онъ платилъ за квартиру 10 рублей въ мѣсяцъ—и находилъ ее очень удобной. Естественно было бы ожидать, что онъ тяготился своей бѣдностью—но нѣтъ, Прудонъ никогда не жалуется на недостаточность своихъ матеріальныхъ средствъ, отлично мирится со своимъ образомъ жизни и только когда жить становится совсѣмъ нечѣмъ, тогда онъ приходитъ въ мрачное расположеніе духа и начинаетъ мечтать о разныхъ грандіозныхъ предпріятіяхъ, которыя должны доставить торжество его принципамъ и обогатить его самого.

Въ 1852 году Прудонъ много носился съ мыслью предпринять совмѣстно съ другими литераторами и учеными Франціи изданіе «Всеобщей Біографіи», содержащей въ 50, 60 томахъ жизнеописанія всѣхъ героевъ человѣчества. Это изданіе, по его мысли, должно было имѣть такое же значеніе для нашего времени, какое имѣлъ Энциклопедическій словарь Дидро для XVIII столѣтія. Дѣло разстроилось за недостаткомъ денегъ. Точно также окончились неудачей хлопоты Прудона объ основаніи своего періодическаго органа, га-

зеты или журнала. Правительство Луи Наполеона продолжало косо смотрѣть на публициста, только что вышедшаго изъ тюрьмы.

Хотя по закону во Франціи цензуры не существовало и всякій французъ имѣлъ право печатать все, что ему угодно, тѣмъ не менѣе фактически было невозможно напечатать что-либо неугодное правительству, такъ какъ издатели боялись судебнаго преслѣдованія и отказывались печатать сочиненія, содержащія въ себѣ критику правительственныхъ дѣйствій. Въ этомъ Прудону пришлось убѣдиться немедленно послѣ его освобожденія. Онъ написалъ брошюру «Государственный переворотъ, какъ проявленіе революціи», въ которой доказывалъ, что диктатура Наполеона Бонапарте, возникшая вслѣдствіе переворота 2 декабря, должна поставить своей задачей и цѣлью осуществленіе идей Февральской революціи; только въ этомъ случаѣ Прудонъ признавалъ возможнымъ оправдывать во имя народнаго блага совершившійся государственный переворотъ. Въ общемъ, эта брошюра была скорѣе благосклонна, чѣмъ враждебна Наполеону и дала поводъ радикаламъ обвинять Прудона въ бонапартизмѣ. Но никто изъ издателей не рѣшался ее издавать безъ предварительнаго разрѣшенія власти. Тогда авторъ обратился съ смѣлымъ, но почтительнымъ письмомъ къ самому президенту республики. Онъ признается, что былъ раньше рѣшительнымъ врагомъ президента, котораго онъ подозрѣвалъ въ намѣреніи уничтожить республику; въ настоящее время онъ измѣнилъ свое мнѣніе и видитъ въ Наполеонѣ Бонапарте представителя революціи, ибо обстоятельства сложились такъ, что Наполеонъ подъ опасеніемъ своего паденія долженъ слѣдовать революціоннымъ завѣтамъ 24 февраля; вслѣдствіе этого онъ проситъ разрѣшить печатаніе его брошюры, которая подробно развиваетъ высказанныя въ письмѣ мысли.

Просьба Прудона была уважена и его книга появилась въ печати вмѣстѣ съ письмомъ автора къ президенту республики. Республиканская партія была очень недовольна новымъ сочиненіемъ Прудона, которое вышло въ свѣтъ вскорѣ послѣ того, какъ Наполеонъ грубо и насильственно захватилъ власть въ свои руки и заключилъ въ тюрьму или послалъ въ ссылку всѣхъ энергичныхъ защитниковъ нарушеннаго имъ права.

Но несмотря на авансы, дѣлавшіеся Прудономъ Наполеону, правительство преслѣдовало его сочиненія и не разрѣшило ввозъ во Францію другой его брошюры, «Философія прогресса», которая была напечатана въ Брюсселѣ потому, что въ Парижѣ не находилось для

нея издателя. Содержаніе этой книги имѣетъ чисто теоретическій характеръ и единственно, что могло въ немъ не понравиться власти, это нѣсколько рѣзкихъ выраженій о религіи и церкви.

Прудону было бы совсѣмъ нечѣмъ жить, если бы онъ не получалъ нѣкотораго дохода отъ своихъ анонимныхъ сочиненій; одно изъ нихъ «Руководство биржеваго спекулянта» имѣло большой успѣхъ, и разошлось въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

Первые годы послѣ выхода изъ тюрьмы онъ жилъ въ Парижѣ со всей своей семьей и велъ уединенную замкнутую жизнь, составлявшую рѣшительный контрастъ съ бурной дѣятельностью въ 48 году. Его никто не посѣщалъ кромѣ близкихъ друзей, такъ какъ онъ лишился прежней популярности и получилъ въ наслѣдіе отъ прошлаго только вражду и ненависть своихъ многоселенныхъ политическихъ враговъ. Лѣтомъ Прудонъ ѣздилъ въ свою родную деревню, Бюржилль на Марнѣ. Онъ жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ умерла его мать и изъ его комнаты былъ видъ на одну изъ самыхъ красивыхъ долинъ въ Франшъ-Конте. По цѣлымъ днямъ онъ съ наслажденіемъ слонялся по окрестностямъ, заговаривалъ съ крестьянами, собиралъ орѣхи, ловилъ раковъ, вообще проводилъ время почти также, какъ и 30 лѣтъ назадъ, когда 10-лѣтнимъ мальчикомъ пасъ коровъ своего отца.

Все это время онъ усердно искалъ мѣста прикащика или повѣреннаго по дѣламъ торговой фирмы; но его всѣ избѣгали и боялись себя скомпрометировать сношеніями съ врагомъ государства и собственности. Прудонъ продолжалъ замышлять всевозможныя хозяйственныя предпріятія, по большей части совершенно неосуществимыя и доказывавшія его малую практическую опытность. Только разъ судьба ему улыбнулась и онъ получилъ возможность, если не разбогатѣть, то нѣсколько упрочить свое матаріальное положеніе. Онъ задумалъ устроить компанію для проведенія желѣзнодорожной линіи отъ Парижа до Безансона. Какимъ-то образомъ, его планъ оказался практичнымъ и ему удалось набрать компанію капиталистовъ. Нужно было получить концессію отъ правительства. Того же добивалась вторая группа капиталистовъ, во главѣ которой стоялъ извѣстный финансовый дѣлецъ второй имперіи — Исаакъ Перейра. Прудонъ, по своему обыкновенію, соединялъ съ замышляемымъ предпріятіемъ самыя фантастическія представленія. Онъ видѣлъ въ компаніи Перейра олицетвореніе принциповъ Сенъ-Симонизма, вѣроятно потому, что его соперникъ, предпріимчивый финансистъ, увлекался въ молодости ученіемъ Сенъ-Симона. Борьба двухъ соперничествующихъ компаній казалась Прудону борьбою идей.

Какъ и слѣдовало ожидать, правительство дало концессію И. Перейра. Трудно сказать, по какимъ мотивамъ, но побѣдители предложили Прудону и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ дѣлѣ, 12.000 руб. въ вознагражденіе за ихъ неувѣнчавшіяся успѣхомъ хлопоты. Прудонъ категорически отвергъ предложеніе, сдѣланное ему въ самой деликатной формѣ, и заявилъ, что онъ былъ заинтересованъ исключительно идейной стороной дѣла, а деньги и идеи — вещи несовмѣстимыя. Это было единственнымъ денежнымъ искушеніемъ въ жизни Прудона, и онъ отнесся къ нему, какъ честный и убѣжденный человѣкъ. Его не прельстила перспектива заполучить сразу «кушъ», несмотря на то, что именно въ это время его матеріальное положеніе было настолько незавидно, что онъ думалъ эмигрировать изъ Франціи и начать новую жизнь заграницей.

Политическія событія не могли внушить ему особой привязанности къ его родной странѣ. Наполеонъ, сдѣлавшись императоромъ французовъ, сталъ во главѣ европейской реакціи и возобновилъ времена солдатскаго деспотизма первой имперіи. Всѣ лучшіе и мыслящіе люди Франціи были возмущены управленіемъ новаго Цезаря, но народъ былъ утомленъ политикой и желалъ одного спокойствія. Для Прудона, какъ и для многихъ другихъ республиканцевъ, настало время глубокаго разочарованія въ народѣ. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ о своемъ политическомъ завѣщаніи: «Оно будетъ состоять изъ отдѣльныхъ главъ и каждая глава, какъ у Исаіи, будетъ начинаться проклятіемъ. Проклятіе католицизму! Проклятіе солдату! Проклятіе чиновнику! Проклятіе буржуа! Проклятіе плебею! Проклятіе всѣмъ! Всѣ хотѣли этого, всѣ виновны, республиканцы, соціалисты, крестьяне, рабочіе, буржуа, люди штыковъ и люди пера. Трусливая, тщеславная, чувственная нація, безъ нравственности, безъ вѣры, достойная быть растоптанной казацкими лошадьми!»

Когда началась Крымская война, Прудонъ съ самымъ горячимъ интересомъ слѣдилъ за извѣстіями съ театра военныхъ дѣйствій. Онъ желалъ побѣды русскимъ и нисколько не былъ увлеченъ патріотическимъ энтузіазмомъ, который въ то время охватилъ французское общество. Побѣда Наполеона, по его мнѣнію, могла бы только усилить имперію и распространить на всю Европу тотъ деспотизмъ и солдатчину, отъ которыхъ страдало его отечество. Если бы пришлось выбирать между Франціей и человѣчествомъ, если бы нужно было пожертвовать родиной для осуществленія идеаловъ свободы и равенства, онъ ни одной минуты не колебался бы въ выборѣ. Въ этомъ

отношеніи Прудонъ мало походилъ на своихъ соотечественниковъ, зараженныхъ въ большей или меньшей степени шовинизмомъ.

Въ 1854 году онъ опасно заболѣлъ холерой, отъ которой у него умерла младшая дочь. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ не могъ поправиться, и съ тѣхъ поръ его здоровье было разстроено навсегда. Интересно замѣтить, что даже въ выборѣ способа леченія Прудонъ проявилъ оригинальность; онъ лечился у гомеопата, доктора Кретена, съ которымъ впослѣдствіи сошелся очень близко.

Блестящій успѣхъ парижской всемірной выставки въ 1855 году подалъ ему мысль устроить на мѣстѣ выставки постоянный базаръ для сбыта разныхъ издѣлій. Кое-кто изъ капиталистовъ отнесся сочувственно къ этому плану, и вотъ мы видимъ 46 лѣтняго Прудона, увлеченнаго, какъ юноша, своимъ новымъ проэктомъ. Онъ мечтаетъ осуществить нѣчто вродѣ народнаго банка, только въ гораздо большихъ размѣрахъ. Парижскій базаръ долженъ сдѣлаться центральнымъ пунктомъ при обмѣнѣ товаровъ, обороты его въ скоромъ времени должны достигнуть нѣсколькихъ милліардовъ франковъ въ годъ и вся экономическая организація страны должна мало по малу принять другой видъ. Но этотъ мыльный пузырь не долго тѣшилъ своими радужными красками уже не молодого мечтателя, и дѣло не состоялось по недостатку средствъ.

VII.

Вторичное осужденіе Прудона и бѣгство его въ Бельгію. — Послѣднія литературныя произведенія. — Возвращеніе въ Парижъ. — Смерть Прудона.

Въ 1858 году произошло новое столкновеніе Прудона съ полиціей. Онъ написалъ свое самое значительное по объему произведеніе. «О справедливости въ революціи и церкви» и, опасаясь преслѣдованій со стороны правительства, послалъ съ длиннымъ объяснительнымъ письмомъ экземпляръ новой книги принцу Жерому Наполеону, съ которымъ онъ поддерживалъ постоянныя сношенія. Авторъ писалъ принцу, что его книга не имѣетъ характера, враждебнаго имперіи, и содержитъ въ себѣ развитіе тѣхъ же мыслей, которыя онъ раньше высказывалъ много разъ съ разрѣшенія самого императора.

Прудону стоило большого труда найти издателя для своего новаго сочиненія. Когда-же оно вышло въ свѣтъ, то въ нѣсколько

дней было распродано 6.000 экземпляровъ, и авторъ могъ-бы разсчитывать на блестящій успѣхъ, если бы императорское правительство не конфисковало черезъ недѣлю всего изданія и не привлекло самого автора къ суду. Его приговорили къ 3 годамъ тюремнаго заключенія и 1.000 руб. штрафа за оскорбленіе католической религіи и общественной нравственности.

Такой суровый приговоръ отнюдь не былъ вызванъ недовольствомъ правительства противъ политическихъ теорій, которыя Прудонъ развивалъ въ своемъ новомъ сочиненіи; если оно и было направлено противъ кого либо, то никакъ не противъ имперіи, а противъ католической церкви, къ которой Прудонъ въ свои послѣдніе годы относился на столько-же враждебно, насколько онъ уважалъ ее въ ранней молодости. Онъ приписывалъ осужденіе своей книги вліянію клерикаловъ, чрезвычайно раздраженныхъ его нападками на католицизмъ. Въ этой книгѣ Прудонъ описываетъ между прочимъ разные эпизоды изъ своей жизни и опровергаетъ біографическія подробности, изложенныя въ одной незадолго передъ тѣмъ вышедшей его біографіи, написанной въ клерикальномъ духѣ и имѣющей характеръ довольно безцеремоннаго пасквиля. Онъ останавливается довольно подробно надъ вопросомъ семейныхъ отношеній и брака и категорически высказывается противъ равноправности женщинъ на томъ основаніи, что, по его совершенно произвольному предположенію, умственныя и физическія силы женщины не превышаютъ двухъ третей силы мущины. Авторъ требуетъ нерасторжимости супружескаго союза; современная французская литература съ ея проповѣдью свободной любви кажется ему признакомъ испорченности и нравственнаго паденія націи. Бракъ долженъ налагать узы и направлять ко благу человѣчества стихійную силу любви, которая стремится сдѣлать изъ женщины куртизанку; поэтому въ своихъ собственныхъ интересахъ женщина должна стоять за святость семейнаго очага.

Эта суровая защита супружескаго долга въ то время, когда романы Жоржъ Зандъ увлекали всю читающую публику, вызвала противъ Прудона взрывъ негодованія со стороны многихъ представительницъ прекраснаго пола. Его аттаковали письменно и печатно, и онъ задумалъ посвятить отдѣльное сочиненіе защитѣ своихъ взглядовъ на женщину и на бракъ, но разныя занятія помѣшали ему выполнить это намѣреніе, и обѣщанное сочиненіе было издано только послѣ его смерти и то въ далеко не законченномъ видѣ, подъ характернымъ заглавіемъ «Порнократія».

Мы нѣсколько разъ говорили объ отношеніи Прудона къ женщинамъ, но его посмертное произведеніе превосходитъ по рѣзкости и грубости взглядовъ все, что онъ писалъ раньше по этому поводу. Авторъ не признаетъ, чтобы женщина могла достигнуть чего нибудь значительнаго въ области науки или искусства; среди представительницъ прекраснаго пола для него особенно ненавистны такъ называемые ésprits forts и онъ во многихъ отношеніяхъ предпочитаетъ имъ куртизанокъ. По его мнѣнію, не нужно жениться на эманципированныхъ женщинахъ, но ужъ если такое несчастіе случилось, то слѣдуетъ силой или убѣжденіемъ сломить ихъ волю и заставить признать власть мужа. Мужъ имѣетъ право убить свою жену въ случаѣ нарушенія съ ея стороны супружеской вѣрности, въ случаѣ пьянства или упорнаго, непобѣдимаго непослушанія.

Такія дикія сужденія о женскомъ вопросѣ человѣка чрезвычайно умнаго и даровитаго, горячо ненавидѣвшаго реакцію и создавшаго себѣ культъ изъ идеи равенства, могутъ показаться чѣмъ-то ненормальнымъ, находящимся въ прямомъ противорѣчіи со всей его натурой. Но въ дѣйствительности, его отношенія къ женщинѣ естественнымъ образомъ вытекали изъ условій его развитія и объяснялись прежде всего его крестьянскимъ происхожденіемъ. До конца жизни онъ не избавился отъ свойственнаго некультурнымъ людямъ грубаго и презрительнаго отношенія къ слабому полу, и въ его характерѣ было много той жестокости, которая составляетъ отличительную черту его деревенскихъ земляковъ.

Не желая вторично поселиться на нѣсколько лѣтъ въ Консьержери, Прудонъ бѣжалъ изъ Франціи въ Брюссель. Первое время онъ не рѣшался выписывать туда свою семью, не зная навѣрное, долго-ли продлится его пребываніе въ Бельгійской столицѣ, которая сдѣлалась къ этому времени сборнымъ пунктомъ французскихъ эмигрантовъ. Онъ встрѣтилъ среди нихъ много прежнихъ знакомыхъ, но такъ какъ республиканская партія всегда относилась къ нему очень недоброжелательно, то его попытка сблизиться со своими товарищами по изгнанію не увѣнчалась успѣхомъ. Его обвиняли въ бонапартизмѣ, не смотря на то, что императорское правительство преслѣдовало всѣ его сочиненія, какъ опасную заразу.

Брюссельское общество отнеслось къ вновь прибывшему изгнаннику болѣе сочувственно; онъ быстро ознакомился съ мѣстнымъ литературнымъ кружкомъ и нашелъ себѣ кое-какую работу, которая дала ему возможность выписать изъ Парижа жену и дѣтей.

Прудонъ очень скучалъ безъ своей семьи; въ особенности чувствительна была для него разлука съ младшей дочерью, съ которой онъ любилъ проводить время, отдыхая въ болтовнѣ съ ребенкомъ отъ скучной обязательной работы ради насущнаго хлѣба.

Въ такомъ скромномъ хозяйствѣ переѣздъ изъ одного города въ другой былъ цѣлымъ переворотомъ; нужно было продавать мебель, устроить какъ нибудь подешевле переѣздъ, подумать о квартирѣ на новомъ мѣстѣ,—и мы видимъ Прудона совершенно поглощеннаго хозяйственными заботами. Его жена, удовлетворявшая его идеаламъ хорошей хозяйки, никакъ не могла помириться по переѣздѣ въ Брюссель съ неудобствами новой жизни; особенно ее сокрушала купленная въ Брюсселѣ мебель, которая оказалась дороже и хуже старой. Когда читаешь описанія того, какъ эта женщина убивалась при воспоминаніи о комодѣ и двуспальной кровати, оставшихся въ Парижѣ, то становится понятнымъ презрительное отношеніе ея мужа къ женщинамъ вообще. Можетъ быть, ненависть послѣдняго къ образованнымъ женщинамъ въ значительной степени зависѣла оттого, что онъ былъ съ ними мало знакомъ.

Въ 1858 году въ Брюсселѣ состоялся научный конгрессъ по вопросу о литературной и артистической собственности. Прудонъ помѣстилъ въ одной бельгійской газетѣ двѣ статьи по этому вопросу, доказывая, что не существуетъ ничего общаго между продуктами художественнаго и научнаго творчества и произведеніями промышленной дѣятельности человѣка. Только послѣднія могутъ принадлежать частнымъ лицамъ на правахъ полной собственности, а произведенія человѣческой мысли составляютъ достояніе всего человѣчества. Конгрессъ вотировалъ резолюцію въ смыслѣ положеній Прудона, и доставилъ послѣднему случай торжествовать побѣду. По своей склонности преувеличивать все въ громадныхъ размѣрахъ, Прудонъ считаетъ резолюцію конгресса первой побѣдой соціальной революціи, за которой вскорѣ должны послѣдовать другія.

Въ слѣдующемъ году онъ выпустилъ вторымъ изданіемъ осужденную французскимъ правительствомъ книгу «О справедливости». Въ видѣ дополненія къ ней онъ помѣстилъ краткія свѣдѣнія о развитіи революціонной мысли во Франціи и Европѣ за послѣдніе годы и съ большимъ огорченіемъ констатировалъ, что его соотечественники, которые раньше были самой передовой націей въ мірѣ, теперь составляютъ націю самую отсталую; онъ предсказываетъ для Франціи полное нравственное и умственное паденіе въ близкомъ будущемъ.

Когда Наполеонъ началъ войну съ Австріей и при всеобщемъ сочувствіи радикаловъ провозгласилъ свободу національностей основнымъ принципомъ международной политики, Прудонъ рѣзко разошелся съ общественнымъ мнѣніемъ и не одобрялъ новой войны, которая въ самомъ лучшемъ случаѣ могла только усилить императорское правительство. Онъ задумалъ развить свои мысли въ особомъ сочиненіи, которое ему удалось окончить только черезъ два года.

По окончаніи войны, Наполеонъ объявилъ амнистію политическимъ преступникамъ. Многіе эмигранты не вернулись во Францію не желая пользоваться милостью узурпатора 2 декабря. Въ числѣ такихъ добровольныхъ изгнанниковъ были Луи Бланъ, В. Гюго, и многіе другіе. Прудонъ не послѣдовалъ ихъ примѣру и собирался переѣхать въ скоромъ времени со всѣмъ семействомъ въ Парижъ, не смотря на то, что первое время своего изгнанія онъ давалъ торжественное обѣщаніе не возвращаться въ свое отечество до тѣхъ поръ, пока оно будетъ лишено свободы. Но, по толкованію амнистіи императорскимъ правительствомъ, она не относилась къ Прудону, который былъ осужденъ за преступленіе противъ общественной нравственности, а не за политическій проступокъ. Правительство приравнивало сочиненія Прудона къ безнравственной литературѣ, спекулирующей на самое грубые инстинкты читателей и не разрѣшало ему свободнаго возвращенія на родину.

Въ 1860 г. Лозанская академія объявила премію въ 400 руб. за лучшее сочиненіе по теоріи налоговъ. Въ академію было представлено 40 мемуаровъ; премію получило сочиненіе Прудона, написанное имъ спеціально для этого случая. Нечего и говорить, что Прудонъ былъ восхищенъ этимъ успѣхомъ и радовался ему какъ ребенокъ. Судьба вообще не баловала его своими милостями и онъ умѣлъ цѣнить всякую улыбку Фортуны.

Въ своемъ премированномъ сочиненіи онъ доказываетъ, что уплата податей и повинностей есть обмѣнъ услугъ между гражданами и правительствомъ. Онъ требуетъ сокращенія государственной расходовъ и пониженія податей; главной основой въ государственномъ бюджетѣ долженъ быть поземельный налогъ, достигающій отъ $^1/_3$ до $^1/_6$ земельной ренты. Промышленныя предпріятія, имѣющія публичный характеръ, какъ напр. желѣзныя дороги, почта, доки и т. д., также должны отдавать значительную часть своего чистаго дохода государству; такимъ образомъ косвенные налоги, падающія главнымъ образомъ на рабочіе классы,

могутъ быть въ значительной степени замѣнены прямыми налогами. Къ этому не особенно новому проэкту податной реформы, Прудонъ присоединяетъ сильную и рѣзкую критику податной системы Франціи. Его теорія налоговъ мало оригинальна и интересна болѣе тѣмъ, что наглядно показываетъ, какимъ измѣненіямъ подвергались его экономическія воззрѣнія за особенно продолжительное время.

Въ Національномъ Собраніи и нѣсколько лѣтъ спустя Прудонъ былъ противникомъ всякихъ постоянныхъ налоговъ, а въ 60 году онъ вырабатываетъ цѣлую систему налоговъ, необходимыхъ для ревизованія государственнаго бюджета.

Гораздо интереснѣе другое произведеніе Прудона, которое онъ писалъ съ перерывами нѣсколько лѣтъ—его трактатъ по международному праву «Война и Миръ». Это сочиненіе достойнымъ образомъ заканчиваетъ его критическую дѣятельность. Его опредѣленіе собственности и государства глубоко расходилось съ общепринятыми взглядами, и всѣ привыкли считать Прудона парадоксальнымъ писателемъ par exellence. Это мнѣніе еще болѣе укрѣпилось послѣ выхода въ свѣтъ его новой книги «О войнѣ и мирѣ».

Собственность, кредитъ, государство — все это проявленія правоваго порядка вещей. На чемъ же основывается само право? Прудонъ въ концѣ своей литературной карьеры даетъ на этотъ вопросъ отвѣтъ не менѣе пародоксальный, чѣмъ его знаменитое опредѣленіе «собственность есть кража», а именно: *Право основывается на силѣ.* Юристы принуждены это признать, но они утверждаютъ, что право сильнаго господствуетъ лишь у варварскихъ, некультурныхъ народовъ; по ихъ мнѣнію, цивилизація заключается въ торжествѣ права надъ силой, въ подчиненіи грубаго физическаго начала духовному элементу. Это не вѣрно — право сильнаго не менѣе законно, чѣмъ и всякое другое право. Война имѣетъ свое основаніе и оправданіе въ томъ, что она составляетъ торжественное право силы; только узкіе и ограниченные люди могутъ игнорировать этическій элементъ побѣды. Во время войны обнаруживаются самыя благородныя свойства человѣческаго характера — самопожертвованіе, патріотизмъ, доходящая до презрѣнія смерти преданность идеѣ. Для развитія цивилизаціи, для осуществленія справедливости, война была необходима, такъ какъ только посредствомъ войнъ можетъ установиться политическое равновѣсіе между державами.

Многія друзья Прудона были недовольны его новымъ сочине-

ніемъ и открыто выражали порицаніе развиваемой имъ идеѣ, что право основывается на силѣ. Но въ сущности, если посмотрѣть на дѣло безъ излишней сентиментальности, придется согласиться съ тѣмъ, что Прудонъ совершенно правъ. Какое другое основаніе кромѣ права силы можно привести въ защиту тѣхъ территоріальныхъ захватовъ, посредствомъ которыхъ государства, побѣдившія на войнѣ, вознаграждаютъ себя на счетъ побѣжденныхъ?...

Въ 1860-мъ году Прудонъ получилъ амнистію особымъ декретомъ императора, но втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ оставался въ Брюсселѣ отчасти вслѣдствіе хозяйственныхъ затрудненій, отчасти вслѣдствіе того, что онъ опасался препятствій со стороны французской полиціи при печатаніи его новыхъ сочиненій. Къ этому времени Прудону было уже болѣе 50 лѣтъ и онъ чувствовалъ большую усталость отъ скитальческой и необезпеченной жизни, тѣмъ болѣе, что его здоровье совсѣмъ разстроилось и сильные головныя боли лишали его по временамъ способности къ работѣ. Какъ Дантонъ, онъ иногда восклицаетъ, что человѣчество ему надоѣло. Ему больше всего хочется покоя. Онъ съ радостью переселился бы въ Безансонъ, еслибы могъ найти себѣ тамъ какое либо подходящее занятіе.

Но не смотря на утомленіе и физическія страданія, Прудонъ продолжалъ близко принимать къ сердцу всѣ политическія событія. Онъ упрекалъ французскихъ шовинистовъ въ томъ, что они сами создали Франціи опаснаго соперника, допустивши усиленіе Пьемонта. Всеобщіе восторги по поводу подвиговъ Гарибальди въ Сициліи и Неаполѣ не увлекали его. По мнѣнію Прудона, итальянскій народный герой былъ преисполненъ благородныхъ чувствъ, но совершенно лишенъ здраваго смысла, ибо разсудительный человѣкъ долженъ былъ бы понять, что единство Италіи покупается цѣной ея свободы. Его взгляды на польскій вопросъ также значительно расходились съ ходячими воззрѣніями его соотечественниковъ: онъ утверждалъ, что въ настоящее время и невозможно, и нежелательно возстановленіе польскаго королевства, которое олицетворяетъ собою два отжившихъ принципа—аристократію и католицизмъ. Онъ имѣлъ въ виду развить свои мысли о польскомъ вопросѣ въ особомъ сочиненіи, но его время было занято вплотную другими трудами.

Въ 1862 г. Прудонъ помѣстилъ въ одномъ бельгійскомъ журналѣ нѣсколько статей объ Италіи и европейской политикѣ вообще. Статьи эти обратили на себя общее вниманіе читателей; но бельгійская пресса была въ высшей степени возмущена ими и обвиняла автора

въ томъ, что онъ желаетъ присоединенія Бельгіи къ Франціи. Прудонъ не имѣлъ обыкновенія отказываться отъ боя и съ обычной рѣзкостью началъ полемику съ враждебными органами печати. Борьба разгоралась и наконецъ приняла характеръ опасный для самой личности Прудона. Рабочіе и уличные мальчишки стали устраивать передъ его домомъ враждебныя манифистаціи, распѣвали патріотическія пѣсни и кричали оскорбленія и угрозы по адресу дерзкаго француза. По странному недоразумѣнію, несмотря на то, что Прудонъ все время боролся съ честолюбивой политикой Наполеона и никогда не сочувствовалъ завоевательнымъ планамъ императора, брюссельское населеніе упорно подозрѣвало его въ тайныхъ замыслахъ противъ бельгійской свободы. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, рѣзкій стиль и пристрастіе къ слишкомъ энергичнымъ выраженіямъ съиграли съ Прудономъ дурную шутку. Ему было совершенно невозможно оставаться въ бельгійской столицѣ, гдѣ онъ каждую минуту рисковалъ подвернуться насилію со стороны раздраженной толпы и онъ поспѣшно переѣхалъ, почти бѣжалъ въ Парижъ.

Немедленно по пріѣздѣ въ Парижъ Прудонъ принялся за окончаніе начатаго имъ раньше труда, въ которомъ хотѣлъ систематически развить свои политическіе взгляды, возбуждавшіе столько недоразумѣній. Съ 1863 году онъ издалъ въ Парижѣ книгу «О принципѣ федераціи и необходимости реорганизаціи революціонной партіи».

Это сочиненіе интересно тѣмъ, что въ немъ Прудонъ признаетъ неосуществимость своихъ анархическихъ идеаловъ, которые десять лѣтъ тому назадъ казались ему осуществимыми въ близкомъ будущемъ. Анархію онъ замѣнилъ федераціей, которая уже не заключаетъ въ себѣ ничего утопическаго. Въ сущности, всѣ идеи Прудона казались утопичными только вслѣдствіе ихъ формы; если отбросить риторическія фигуры, украшенія и всѣ преувеличенія, явно разсчитанныя на эффектъ, то взгляды Прудона на политическіе и экономическіе вопросы будутъ заключать въ себѣ мало парадоксальнаго и очень часто окажутся далеко не соотвѣтствующими его соціалистической репутаціи.

Въ іюнѣ 1863 года во Франціи состоялись общіе выборы въ Законодательный Корпусъ. Прудонъ дѣятельно агитировалъ въ пользу того, чтобы избиратели совсѣмъ воздержались отъ вотума, протестуя такимъ образомъ противъ имперіи. Избирательная кампанія поссорила Прудона съ Даримономъ, который былъ депутатомъ и очень

хотѣлъ быть вновь выбраннымъ въ палату, гдѣ онъ съ немногими другими республиканцами составлялъ оппозицію правительству. Естественно, что онъ былъ очень недоволенъ тактикой Прудона, и ихъ прежнія дружескія отношенія прекратились.

Въ началѣ 1864 года здоровье Прудона очень ухудшилось. Втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ не покидалъ постели, но не могъ принимать лежачаго положенія и засыпалъ сидя. Ему было чрезвычайно трудно работать, его мысли путались и перо не писало. Между тѣмъ ему *нужно* было писать, чтобы зарабатывать себѣ ежедневное пропитаніе. Къ счастью, одинъ изъ близкихъ друзей облегчилъ нѣсколько его послѣдніе дни, ссудивъ ему 600 руб.; эта небольшая сумма избавила Прудона на нѣкоторое время отъ мучительной заботы о заработкѣ, къ которому онъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ до полнаго выздоровленія. Все это не мѣшало ему вести такую-же дѣятельную переписку, какъ и раньше; его письма по прежнему полны жизни и увлеченія, по прежнему онъ интересуется всѣми политическими событіями и пишетъ своимъ друзьямъ пространныя диссертаціи по политическимъ вопросамъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ онъ почувствовалъ себя немного лучше и предпринялъ для поправленія своего здоровья поѣздку на родину, въ горные отроги Юры. Онъ повидался съ нѣкоторыми земляками, съ которыми ему долгіе годы не приходилось встрѣчаться и провелъ нѣсколько дней у своего друга дѣтства—доктора Маге. Между прочимъ онъ видѣлся съ престарѣлымъ библіотекаремъ академіи Вейссомъ, который болѣе сорока лѣтъ тому назадъ удивлялся дѣтской любознательности Прудона. Они вспоминали про старые годы, когда одинъ изъ нихъ былъ мальчикомъ, а другой взрослымъ человѣкомъ, и разстались со слезами, растроганные и умиленные воспоминаніемъ о прошломъ.

Поѣздка на родину доставила много удовольствія умирающему Прудону, но не поправила его здоровья. Онъ пробовалъ приняться за работу, но послѣднія силы его покидали. Его старшая дочь вела за него переписку и только за нѣсколько дней до смерти онъ собрался съ силами и самъ написалъ нѣсколько строчекъ благодарности одному пріятелю, Бюзону, который прислалъ ему корзину прекрасныхъ фруктовъ. Письмо это было послѣднимъ. 19 января 1865 г. Прудонъ умеръ на рукахъ своей жены и старшей дочери.

При жизни онъ встрѣчалъ мало сочувствія, но извѣстіе о его

смерти произвело глубокое впечатлѣніе, и парижская пресса наперерывъ старалась выставить значеніе той утраты, которую понесло французское общество и литература. Всѣ признавали его личныя достоинства, его искренность въ изслѣдованіи истины и его неутомимую энергію; даже клерикальные органы печати воздавали ему должное, какъ человѣку. Императоръ Наполеонъ, благодаря которому Прудонъ три года просидѣлъ въ тюрьмѣ и долженъ былъ бѣжать изъ Франціи, выразилъ вдовѣ Прудона глубокое сожалѣніе о смерти ея мужа. Свѣжая могила заставила всѣхъ позабыть на время политическія соображенія, которыя при жизни Прудона отталкивали отъ него стольких людей.

Послѣ его смерти остался цѣлый рядъ оконченныхъ и неоконченныхъ сочиненій. Они были изданы впослѣдствіи его семьей и друзьями. Сочиненія эти касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ политической и общественной жизни. Въ числѣ ихъ были исторія Польши, теорія собственности, исторія Наполеона I, изслѣдованіе о принципахъ искусства и нѣсколько критическихъ томовъ о французской изящной литературѣ послѣдняго времени. Всѣ они не лишнны интереса, хотя бы вслѣдствіе имени ихъ автора, но далеко не имѣютъ того значенія, какъ предшествовавшіе труды. Они ничего не прибавили къ славѣ имени Прудона, котораго потомство не забудетъ, какъ честнаго и необыкновенно талантливаго публициста и общественнаго дѣятеля, не лишеннаго слабостей, но съ избыткомъ искупившаго ихъ своей трудовой исполненной лишеній жизнью, направленной ко благу сѣрой, трудящейся массы, изъ которой вышелъ онъ самъ.

КОНЕЦЪ.